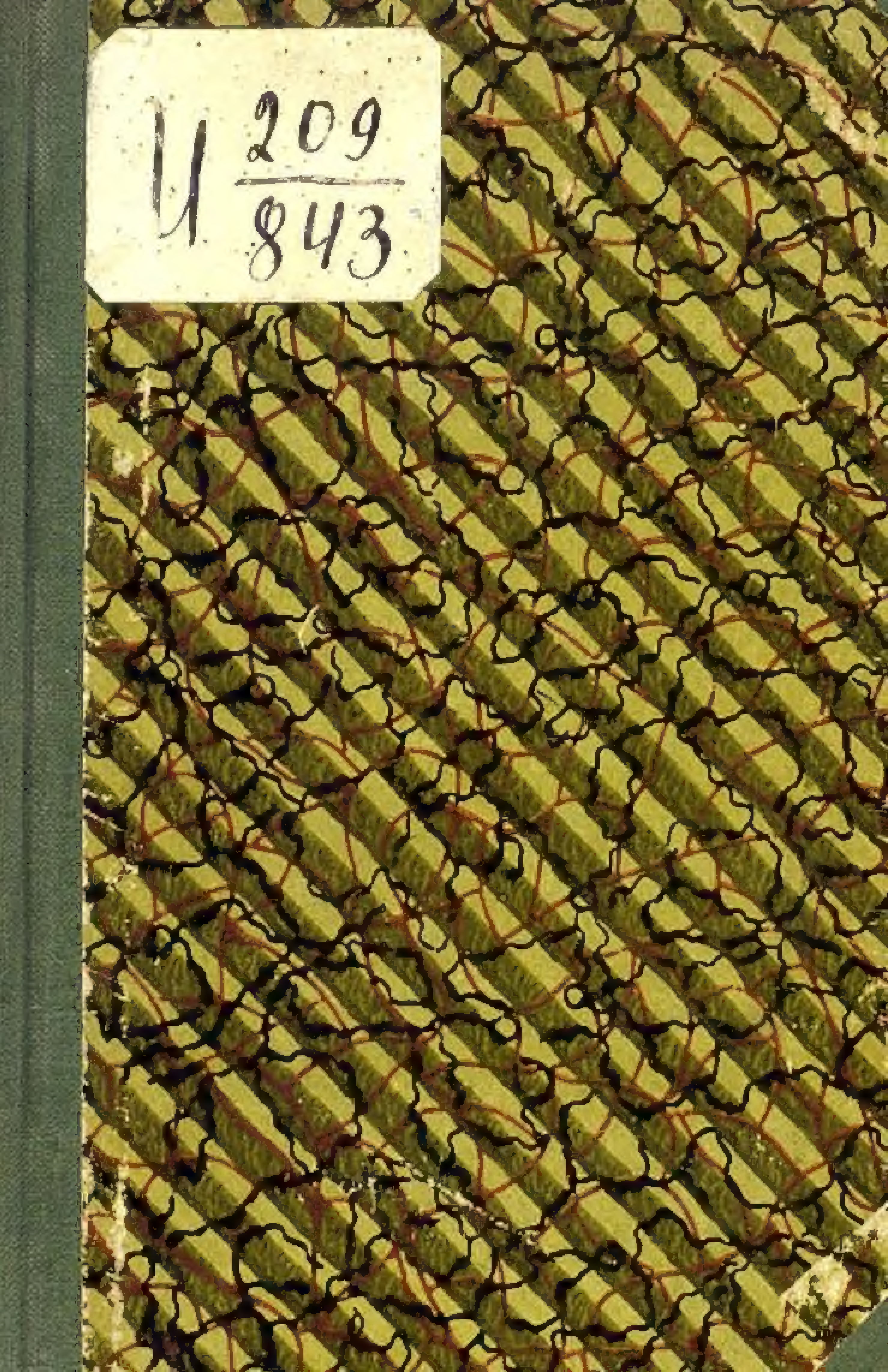

№ — ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА — 330

НРАВЫ РУССКИХЪ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

А. О. КОРНИЛОВИЧА

И однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все Петра Великаго началомъ имѣетъ, и что бъ впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ.

Журналъ Ив. Ив. Неплюева.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

Дозволено цензурою 14 іюня 1901 г. С.-Петербургъ

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Съ гравированнаго портрета Свистунова.

I.

Частная жизнь императора Петра I.

Вы не разъ удивлялись Петру I, вы слушали со вниманіемъ разсказы о подвигахъ его на полѣ брани, о его неутомимости въ дѣлахъ государственныхъ, его постоянной любви къ Россіи. Вы съ равнымъ участіемъ видѣли его въ холстинной курткѣ плотникомъ на Заандамской верфи, потомъ побѣдителемъ подъ Полтавою во время его тріумфальнаго въѣзда въ Москву и, наконецъ, по заключеніи Нейштадтскаго мира, торжественно принимающимъ благодарность народа. Но любопытство ваше завлекло васъ далѣе. Вы сдѣлали мнѣ вопросъ: какая была частная жизнь Петра I? Покажите мнѣ его, говорили вы, не повелителемъ многочисленнаго народа, а гражданиномъ, въ домашнемъ быту, посреди его семейства. Какія были его частныя занятія, его домашнія забавы?

Вотъ мой отвѣтъ.

Императоръ Петръ I былъ феноменъ своего вѣка. Физическія и нравственныя его свойства, добродѣтели и недостатки, занятія его по дѣламъ госу-

дарственнымъ и частныя, которымъ онъ посвящалъ часы досуга, все въ немъ являетъ что-то необыкновенное, носитъ на себѣ отпечатокъ какого-то неизъяснимаго величія, безпокойной, никогда не устающей дѣятельности, которыя не могутъ не возбудить удивленія.

Начинаю описаніемъ его наружности. Петръ I былъ слишкомъ 2 аршина 14 вершковъ и столько отличался ростомъ отъ другихъ, что во время пребыванія его въ Голландіи, въ Заандамѣ, жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ высокаго плотника изъ Московіи. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лицо круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, королемъ польскимъ, въ Биржѣ въ 1701 году, онъ велѣлъ подать себѣ штуку сукна и, бросивъ ее вверхъ, кортикомъ прорубилъ оную на воздухѣ. Въ другой разъ, сидя съ нимъ же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку по двѣ серебряныя тарелки вдругъ и потомъ между ладонями сплющилъ большую серебряную же чашу. Въ Амстердамѣ въ 1697 году, въ довольно сильный вѣтеръ, останавливалъ рукою мельничныя крылья, чтобъ лучше разсмотрѣть механизмъ нѣкоторыхъ частей. Впрочемъ, однажды

Петръ чуть было не заплатилъ жизнью за подобную самонадѣянность. Это случилось въ 1717 году, въ Утрехтѣ, на шелковой фабрикѣ купца фонъ-Моллема. Дабы узнать быстроту воды, приводившей въ обращеніе колеса фабрики, государь вздумалъ было во время дѣйствія оныхъ остановить самое большое колесо; но оно подняло его, и, вѣрно, Петръ сдѣлался бы жертвою своего любопытства, если бъ одинъ изъ бывшихъ тутъ работниковъ, схвативъ его обѣими руками, не оторвалъ насильно отъ колеса. Походка его, обыкновенно скорая, дѣлалась еще скорѣе, когда онъ занятъ былъ какою-нибудь мыслію или увлекался разговоромъ. Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ то время при россійскомъ дворѣ, а именно цесарскій посолъ графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, говаривалъ, что онъ согласится лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробыть у царя два часа на переговорахъ; ибо долженъ былъ, при всей тучности тѣла, бѣгать за нимъ во все это время.

Петръ любилъ веселиться въ обществахъ, на праздникахъ, которые давались ему въ честь, любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность; но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣтомъ черный бархатный картузъ или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Серикова, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣт-

ные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками. Зимою тотъ же нарядъ, кромѣ того, что вмѣсто бархатнаго картуза носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ—вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой, изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы подбиты были соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, и вмѣсто кожаныхъ башмаковъ,—родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь неохотно разставался съ сею простотою и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ въ молодость Людовика XV пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную черту людей лучшаго общества. Пріѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ; ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій, съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣркѣ прежняго своего парика, такъ что онъ едва только прикрывалъ волосы. Нарядъ его, состоявшій изъ кафтана безъ галуновъ, манишки безъ манжетъ, короткаго парика, шляпы безъ перьевъ и черной кожаной портупеи черезъ плечо, до того отличался отъ прочихъ, что, спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда его изъ Франціи, оный вошелъ у парижанъ въ моду подъ названіемъ habit du tzar или habit du farouche. Случалось иногда, что при аудіенціяхъ или въ большихъ церемоніяхъ онъ являлся въ одеждѣ, болѣе приличной празднуемому торжеству; но всегда при окончаніи онаго тотчасъ ее сбрасывалъ. Были, однакожъ, дни, въ кото-

рые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностію: такъ, напримѣръ, при спускахъ кораблей, Петръ встрѣчалъ гостей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ, шитомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродетуровый кафтанъ, шитый серебромъ самою государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руку и, взглянувъ на шитье, тряхнулъ имъ, отъ чего нѣсколько канители осыпалось на полъ. «Смотри, Катенька», сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки, «слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата».

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до него собственно, и могъ ли онъ жить расточительно, имѣя для своихъ расходовъ не болѣе 969 душъ въ Новгородской губерніи? Въ первое путешествіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито съ небольшою свитою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинать. Ему дали 12 яицъ, сыру, масла и двѣ бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ, вѣроятно, узнавъ, кто былъ его гость, запросилъ сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему Шепелеву заплатить сіи деньги, но не могъ забыть этой издержки и, угощая въ Петербургѣ пріѣзжавшихъ на судахъ голландцевъ, всякій разъ почти съ упреками на-

поминалъ имъ о корыстолюбіи нимвегенскаго трактирщика. «Мнѣ мотать не изъ чего», говаривалъ онъ въ другое время: «жалованья заслуженнаго у меня немного, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно: я долженъ, отдать въ нихъ отчетъ Богу». Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплатанныхъ и чулкахъ, штопанныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье, и въ 1723 году давалъ персидскому послу Измаилъ-беку отпускную аудіенцію въ томъ самомъ голубомъ кафтанѣ съ серебряными нашивками по борту, въ которомъ въ 1717 году явился въ первый разъ къ французскому королю Людовику XV.

Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ на низкихъ колесахъ, парою; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя денщиками, однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ. Одинъ только разъ, 25 мая 1723 года, удивилъ онъ петербургскихъ жителей необыкновенною пышностію. Увидѣли его окруженнаго отрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ длинномъ фаэтонѣ тогдашняго вкуса, цугомъ, съ лакеями позади въ ливреѣ. Онъ поѣхалъ за городъ навстрѣчу князю Гр. Ѳед. Долгорукому и графу А. Г. Головкину, которые, пробывъ около 15 лѣтъ въ званіи посланниковъ при разныхъ дворахъ, возвращались въ Россію просвѣщенными европейцами. Петръ, остановившись въ 4 верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около четверти

часа. Когда они подъѣхали, посадилъ къ себѣ въ фаэтонъ, провезъ по главнымъ улицамъ столицы во дворецъ, куда созваны были знатнѣйшія особы, и тутъ, передо всѣми, изъявилъ имъ свое благоволеніе, принесъ новую дань уваженія ихъ познаніямъ и утонченной образованности.

Та же простота, какую наблюдалъ царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. «Если хотите остаться моими друзьями», говорилъ онъ заандамскимъ корабельщикамъ въ 1698 году, «то обходитесь со мною не какъ съ царемъ; иначе я не буду ученикомъ вашимъ. Я ищу не почестей, но полезныхъ знаній. Оставьте всѣ церемоніи; мнѣ свобода въ тысячу разъ милѣе, нежели несносное принужденіе, котораго требуетъ свѣтъ». Указомъ отъ 30 декабря 1701 года, рабское обыкновеніе предковъ нашихъ повергаться на землю или падать на колѣни при встрѣчѣ съ царствующими особами было замѣнено поклономъ. Бывало, если на улицѣ кто-нибудь изъ проходящихъ, поклонившись, останавливался передъ государемъ, онъ подходилъ къ нему и, взявъ за кафтанъ, спрашивалъ: «Чего ты!» и если тотъ отвѣчалъ ему, что остановился изъ уваженія къ его особѣ; — «эхъ, братъ», продолжалъ Петръ, ударивъ его по головѣ: «у тебя свои дѣла, у меня мои; зачѣмъ тратишь время попустому; ступай своей дорогой». Запрещено было въ письмахъ къ государю называться словомъ холопъ, давать себѣ уменьшительныя имена Ивашки, Мишки, и т. п., или снимать шапки передъ царскимъ

дворцомъ, какъ сіе водилось въ старину, и теперь еще въ обыкновеніи у насъ въ нѣкоторыхъ дворянскихъ домахъ для крестьянъ, приходящихъ на барскій дворъ. «Какое различіе между Бога и царя, когда воздавать будешь равное обоимъ почтеніе?» говорилъ онъ при семъ случаѣ. «Къ чему унижать званіе, безобразить достоинство человѣка? Оказывать дому моему въ жестокіе морозы безплодную почесть, обнажая голову, вредно для здоровья, которое милѣе мнѣ въ подданномъ всякихъ пустыхъ поклоновъ. Менѣе низости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности къ государству и ко мнѣ—вотъ почести, которыхъ я хочу». Вообще не было человѣка настойчивѣе Петра въ церемоніальныхъ этикетахъ; но, съ другой стороны, нельзя было обходиться съ людьми откровеннѣе и дружелюбнѣе въ частной жизни.

Вотъ примѣръ, какъ онъ мало чинился съ особами, которыхъ даже совсѣмъ не зналъ. Находясь въ Парижѣ, онъ хотѣлъ видѣть заведеніе Сенъ-Сиръ для воспитанія дворянскихъ дѣвицъ и основательницу онаго госпожу Ментенонъ, которая нѣкогда управляла Людовикомъ XIV и всею Франціею и въ то время проводила послѣдніе годы своей жизни въ сей обители покоя. — Ему сказали, что г-жа Ментенонъ почла бы за счастіе видѣть его, но что она лежитъ больная и потому не можетъ принимать никакихъ посѣщеній. «Это не мѣшаетъ», отвѣчалъ государь: «я ей не буду въ тягость; мнѣ надобно ее видѣть; она много принесла услугъ королю и Франціи, хотя, увлекаясь суевѣріемъ и

дѣлала глупости, гнавъ протестантовъ». Съ сими словами поѣхалъ онъ въ Сенъ-Сиръ, вошелъ, не сказавшись, въ комнату Ментенонъ, отдернулъ занавѣсы ея кровати, дружески поклонился больной и, сѣвъ на постель у ногъ ея, «извините», сказалъ онъ ей, «что я пріѣхалъ не во время и, можетъ быть, не соблюлъ всѣхъ формъ приличія, являясь къ вамъ; но я прибылъ въ вашъ край, чтобъ видѣть все замѣчательное въ Парижѣ и въ Версалѣ: въ такомъ случаѣ могъ ли уѣхать изъ Франціи, не заявивъ вамъ моего уваженія». Засимъ, не давъ ей отвѣчать и не спуская съ нея глазъ, спросилъ у нея, чѣмъ она нездорова? «Болѣзнь моя есть старость», отвѣчала встревоженная Ментенонъ слабымъ голосомъ. — «Мы всѣ рано или поздно потерпимъ отъ нея», сказалъ монархъ, всталъ, пожелалъ ей выздоровленія и, поклонившись, вышелъ вонъ.

Въ Петербургѣ царь былъ то же, что отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, при чемъ родильницамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ въ голову, по рублю серебромъ; пировалъ съ другими; плясалъ на свадьбѣ у такого-то и ходилъ за гробомъ у иного. Случалось ли ему имѣть къ кому-нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику, онъ часто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ дубинки, отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ то же, что

подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ, въ немногихъ словахъ говорилъ много и любилъ изъясняться аллегоріями. Считалъ Эзопа однимъ изъ величайшихъ философовъ въ свѣтѣ и часто, въ отвѣтъ на длинныя разсужденія, прочитывалъ одну изъ его басенъ. Отправляясь въ походъ противъ турокъ въ 1711 году, просилъ онъ содѣйствія у римскаго императора Карла VI, который подавалъ въ томъ надежду царю, но не обѣщалъ ничего положительнаго. Когда походъ подъ Прутомъ былъ конченъ, императорскій посолъ встрѣтилъ Петра въ одномъ мѣстечкѣ въ Польшѣ, поздравляя его отъ имени своего государя съ тѣмъ, что онъ такъ счастливо избавился отъ опасности. Петръ, выслушавъ посланника весьма хладнокровно, спросилъ у него, знаетъ ли онъ полатыни, и, послѣ утвердительнаго отвѣта, взялъ со стола Эзопа, пріискалъ ему басню о козлѣ и лисицѣ, сошедшихся у колодца, подалъ ее посланнику и, сказавъ ему: «теперь желаю вамъ доброй ночи», вышелъ изъ комнаты. — Часто видали его на улицахъ идущимъ подъ руку съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ матросомъ; иногда бродящимъ въ толпѣ, прислушиваясь къ молвѣ народной.

Но, обращаясь открыто со всѣми, онъ того же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто задумалъ бы въ разговорахъ или поступкахъ съ

нимъ позволитъ себѣ малѣйшую ложь. «За признаніе — прощеніе; за утайку нѣтъ помилованія», повторялъ онъ часто: «лучше грѣхъ явный, нежели тайный».

Онъ любилъ правду, даже и въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною, и радовался, слушая въ 1697 году въ англійскомъ парламентѣ пренія оппозиціи и министровъ. «Усматривающій вредъ и придумывающій добро объявлять можетъ мнѣ прямо, безъ боязни; полезное слушать я радъ и отъ послѣдняго; руки, ноги и языкъ не скованы, а доступъ до меня свободенъ». Такъ говорилъ онъ не разъ своимъ приближеннымъ. «Князь Яковъ въ Сенатѣ», отзывался онъ о Долгоруковѣ, «прямой помощникъ. Онъ судитъ дѣльно и мнѣ не потакаетъ; безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо». Случалось иногда, что въ пылу гнѣва, увлеченный пламеннымъ характеромъ, Петръ обнаруживалъ негодованіе противу тѣхъ, которые безъ покрова открывали ему истину; но зато какое раскаяніе показывалъ онъ послѣ, какъ щедро награждалъ потерпѣвшихъ въ такомъ случаѣ отъ его горячности? Я могъ бы насказать множество тому примѣровъ; приведу одинъ. «Ты хочешь истребить лихоимство, пишешь приказы, наказываешь корыстолюбцевъ, а самъ берешь взятки», говорилъ Петру Ив. Ив. Бутурлинъ, когда, воротившись изъ второго путешествія по чужимъ краямъ, онъ повелѣлъ изслѣдовать неустройства, случившіяся въ его отсутствіе. Государь весь измѣнился

въ лицѣ. «Не гнѣвайся, а слушай далѣе», продолжалъ Бутурлинъ. «Когда мы ѣхали черезъ Тверь, мнѣ отвели квартиру въ домѣ какой-то купчихи. За столомъ входитъ въ комнату староста и требуетъ сто рублей въ счетъ суммы, которую городъ опредѣлилъ поднести тебѣ въ подарокъ. Не имѣя денегъ, она проситъ подождать; но староста настаиваетъ: или тотчасъ деньги, или въ тюрьму. Она отдаетъ съ себя жемчугъ; но онъ остается при своемъ требованіи, и бѣдняжку, вѣрно, отвели бы, когда бы я не ссудилъ ее своими. Вотъ тебѣ добровольный подарокъ».—Петръ обнялъ Бутурлина, одарилъ его, велѣлъ возвратить взятыя деньги и принялъ мѣры, чтобъ впредь не случалось болѣе подобныхъ безпорядковъ.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ царь жилъ лѣтомъ во дворцѣ Лѣтняго сада, зимою въ Зимнемъ, находившемся на томъ мѣстѣ. гдѣ нынѣ Эрмитажъ. Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три утра, и ходилъ часъ по комнатѣ; читалъ въ это время С.-Петербургскія вѣдомости, которымъ иногда самъ держалъ корректуру, или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его повелѣнію. Петръ зналъ хорошо по-латыни, по-нѣмецки и по-голландски, и понималъ французскій языкъ, хотя не могъ на немъ изъясняться. Остерманъ и пасторъ Глюкъ переводили съ нѣмецкаго; Кононъ Зотовъ, Волковъ и Гарлицкій съ французскаго; Шафировъ и Копіевичъ съ голландскаго, а съ латинскаго также Копіевичъ и

новгородскіе монахи подъ руководствомъ Ѳеофана Прокоповича. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофею, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся съ тростью въ одной и записною книжкою въ другой рукѣ смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ Адмиралтейство. Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ бранденбургскому посланнику фонъ-Принцу пріемную аудіенцію въ 4 часа утра. Аудіенція сія была, вѣрно, единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, не полагая, чтобъ государь вставалъ такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ, явившись во дворецъ въ пять; но уже не засталъ Петра. Онъ былъ на верфи и работалъ на марсѣ какого-то военнаго корабля. Фонъ-Принцъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступить въ переговоры съ русскими министрами, не видавъ царя, принужденъ былъ отправиться вслѣдъ за нимъ въ Адмиралтейство «Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудіенцъ-залѣ», сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ, по веревочной лѣстницѣ, взбираться на гротъ-мачту, и государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него вѣрющую грамоту и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣтствія подъ открытымъ небомъ, на корабельномъ марсѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ Сенатъ или которую-нибудь изъ коллегій и оставался тамъ до одиннадцати, слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при семъ случаѣ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. Зато государь умѣлъ и беречь время. Это примѣтно въ его разговорахъ, указахъ, письмахъ и во всемъ, что выходило изъ-подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣе многословія. 16 марта 1711 года, отправляясь въ Прутскій походъ, написалъ онъ о совершенно разныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ Сенатъ, изъ коихъ ни одинъ не занималъ болѣе четырехъ строкъ. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ Сената, при чемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для пріема просителей. Государь давалъ имъ аудіенцію въ средней галлереѣ Лѣтняго сада, построенной на берегу Невы, или въ хорошую погоду въ главной аллеѣ. Туда могъ приходить всякій: и богатый и неимущій, и знатный вельможа и человѣкъ простого званія. Петръ отбиралъ у просителей просьбы, выслушивалъ ихъ жалобы и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 11 часовъ ворота Лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чтобъ кушанья не простывали, столовая его была обыкновенно ра-

домъ съ кухнею; поваръ передавалъ въ первую блюда прямо изъ печи, чрезъ окошечко, и всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой редисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка въ кисломъ соусѣ, который приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ. Мозельскія, венгерскія вина и вино эрмитажъ предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ. У прибора его клались всегда деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ и вилка съ зелеными костяными черенками, и дежурному денщику вмѣнялось въ обязанность носить ихъ съ собою и класть передъ царемъ, если даже ему случалось обѣдать въ гостяхъ.

Петръ не терпѣлъ многочисленной услуги и вообще называлъ лакеевъ шпіонами, которые худо слышатъ, а еще хуже разсказываютъ слышанное. Дежурный денщикъ служилъ государю, императрицѣ и великимъ княжнамъ. Онъ находился при царѣ безотлучно днемъ и ночью; былъ довѣренною его особою и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря. Въ послѣдніе годы своего царствованія Петръ имѣлъ слѣдующихъ денщиковъ: Аѳанасія и Алексѣя Татищевыхъ, Ив. Мих. Орлова, Мурзина, Поспѣлова, Алекс. Борис. Бутурлина, любимца имп. Елисаветы Петровны; Андрея Конст. Нартова, который училъ его точить; наконецъ Древника, взятаго въ Гамбургѣ, и Василія Нелюбохтова, который прежде

былъ придворнымъ пѣвчимъ. Для дальнихъ посылокъ употребляемы были Шемякинъ и Чеботаевъ, а для спальныхъ услугъ камердинеръ Полубояровъ. Государь столько любилъ денщиковъ своихъ, что часто въ большихъ собраніяхъ, прервавъ важный разговоръ, обращался къ нимъ и шутилъ съ ними по цѣлымъ часамъ. Вообще Петръ ѣлъ мало вдругъ, не былъ разборчивъ въ пищѣ и не терпѣлъ причудъ въ другихъ. Такимъ образомъ онъ охотно поилъ тѣхъ, кои притворялись, что не могутъ употреблять вина; кормилъ сыромъ и устрицами особъ, которымъ сіи кушанья были противны; и столько любилъ щекотать боявшихся этого, что многіе притворялись таковыми, жеманились и смѣялись отъ души, когда ихъ щекотали, чтобъ только угодить государю. Онъ садился за столъ по нѣскольку разъ въ день, и если ему случалось заходить куда-нибудь въ послѣобѣденное время, то хозяинъ, вышедъ къ нему навстрѣчу, приводилъ его прямо въ комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ съ разными холодными кушаньями. Впрочемъ, пріемъ такого рода дѣлался не для одного царя, а былъ въ нравахъ тогдашняго времени.

Откушавъ, Петръ обыкновенно читалъ голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашемъ, съ означеніемъ, что должно переводить въ С.-Петербургскія вѣдомости; потомъ уходилъ на свою яхту, стоявшую передъ дворцомъ, ложился тутъ и отдыхалъ часъ или два. Иногда, во время торжественныхъ обѣдовъ, онъ для этого

вставалъ изъ-за стола, приказавъ, однакожъ, гостямъ не расходиться прежде его возвращенія. Въ четыре часа уходилъ онъ въ токарную или въ кабинетъ. Сюда приходили къ нему по дѣламъ канцлеръ графъ Головкинъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ и т. с. Остерманъ, генераль-прокуроръ Ягужинскій, генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ, графъ П. А. Толстой, сенаторъ князь Я. Ѳ. Долгорукій, князь Меншиковъ, генералъ-полицеймейстеръ Девіеръ или другой кто-нибудь изъ его министровъ. Одни только князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Шереметевъ могли входить безъ доклада; ихъ однихъ государь всегда провожалъ до двери своего кабинета; всѣ прочіе, даже сама императрица Екатерина Алексѣевна, должны были напередъ сказаться. Окончивъ дѣла государственныя, Петръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ все, что ему приходило въ тотъ день на мысль, и, удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собственнымъ занятіямъ.

Ничто не поселитъ въ васъ столько уваженія къ памяти Петра, какъ сіи занятія, предпринимаемыя безъ свидѣтелей, или иногда въ мирномъ кругу немногихъ, искренно преданныхъ царю особъ, раздѣлявшихъ съ нимъ его труды. По дѣятельности Петра, по его любви ко всему полезному вы можете судить, сколько занятія сіи были разнообразны; но, несмотря на это разнообразіе, всѣ имѣли одну постоянную, неизмѣнную цѣль.

Хотите ли знать ее?—«Трудиться надобно, братецъ», говорилъ Петръ Ив. Ив. Неплюеву, когда опредѣлялъ его лейтенантомъ во флотъ: «я и царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли, а все для того, чтобъ показать вамъ примѣръ, и хотя бъ подъ старость увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ отечеству».

Площадь, извѣстная нынѣ подъ именемъ Царицына луга, усажена была во время Петра деревьями въ нѣсколько аллей. Между деревьями разбросаны были небольшіе домики съ тесовыми крышками, принадлежавшіе собственно Петру. Въ одномъ изъ нихъ содержался слонъ и два льва, привезенные въ Петербургъ въ 1714 году изъ Персіи тамошнимъ нашимъ посланникомъ Волынскимъ; въ другомъ поставленъ былъ славный Готторискій глобусъ, имѣвшій до 14 футовъ въ діаметрѣ и подаренный Петру Первому въ 1715 году правителемъ герцогства Голштинскаго; въ третьемъ домикѣ находились математическіе инструменты, нѣсколько минераловъ, небольшой физическій и анатомическій кабинеты. Тутъ въ одномъ углу стоялъ токарный станокъ; въ другомъ лежали мѣдныя доски съ приборомъ для рѣзанія на мѣди и гравированія; въ третьемъ модели различныхъ машинъ; на полу разбросаны были орудія, необходимыя для плотника, столяра, слесаря. Здѣсь, послѣ краткаго отдохновенія отъ дневныхъ трудовъ, государь проводилъ почти ежедневно по нѣскольку часовъ за работою.

Море было любимою стихіею Петра. Одинъ гол-

ландскій шкиперъ сказалъ ему, когда государь объявилъ, что предпринимаетъ катанья по Невѣ, чтобы не забыть морскихъ эволюцій: «Нѣтъ, царь, ты не забудешь, я чаю, ты и во снѣ командуешь флотомъ». Всѣ его дворцы въ Петербургѣ и окрестностяхъ или построены на морскомъ берегу, или окружены каналами, надъ которыми онъ частію самъ трудился. Онъ утверждалъ, что морской воздухъ есть лучшее для него лекарство отъ болѣзней, и если случалось ему занемогать въ приморскомъ городѣ, то приказывалъ переносить себя на одно изъ судовъ, стоявшихъ въ гавани. Въ Петергофѣ онъ говаривалъ, что ему душно во дворцѣ и въ садахъ, и всегда ночевалъ въ Монплезирѣ, омываемомъ водами Финскаго залива. Домикъ сей, построенный на голландскій образецъ, напоминалъ ему время его молодости, его воспитанія: на стѣнахъ развѣшены были картины работы Адама Сило, учителя его въ теоріи кораблестроенія; онѣ представляли виды голландскихъ приморскихъ городовъ, и между прочимъ на одной изображенъ былъ самъ царь на верфи Остъ-Индской компаніи въ Амстердамѣ. Движимый сею страстію къ морю, Петръ всегда присутствовалъ при спускахъ кораблей, проводилъ по нѣскольку часовъ съ зрительною трубою въ Монплезирѣ или въ Екатерингофскомъ подзорномъ дворцѣ, ожидая прибытія купеческихъ судовъ къ Петербургу; выѣзжалъ навстрѣчу тѣмъ, которыя приходили къ Кронштадту, и самъ, какъ искусный лоцманъ, вводилъ ихъ въ гавань, за что получалъ отъ хозяевъ по талеру

или по кронѣ. Онъ позволялъ иноземнымъ шкиперамъ свободный къ себѣ доступъ; охотно слушалъ разсказы о ихъ путешествіяхъ, объ опасностяхъ плаванія по Балтійскому морю и не разъ, за кружкою вина, съ глиняною трубкою въ зубахъ, проводилъ цѣлые вечера въ таковыхъ бесѣдахъ. Долго находившись въ Голландіи, государь свелъ тамъ знакомство со многими корабельщиками: они привозили ему въ подарокъ сыръ, императрицѣ полотно, и пряники для малолѣтнихъ великихъ князей Петра Петровича и Петра Алексѣевича. Царь, съ своей стороны, заботился о томъ, чтобъ имъ въ Петербургѣ доставить все возможное удовольствіе.

Занимаясь утромъ на адмиралтейской верфи практикою кораблестроенія, онъ вечеромъ трудился надъ теоріею: перечитывалъ съ капитанъ-лейтенантомъ Мухановымъ составленныя симъ послѣднимъ правила навигаціи, чертилъ на бумагѣ изображенія различныхъ судовъ, сравнивалъ ихъ размѣры, вычислялъ степень сопротивленія воды и степень глубины, потребной для разнаго рода кораблей. Ѳ. А. Мухановъ учился въ чужихъ краяхъ вмѣстѣ съ Петромъ мореходному искуству и столько успѣлъ въ ономъ, что прозванъ былъ русскимъ голландцемъ. Петръ говаривалъ, что онъ лучше понимаетъ оснастку корабля; но въ наукахъ, которыя нужны для моряка, уступаетъ преимущество Ѳедору. Однажды, когда они перечитывали вмѣстѣ навигацію сего послѣдняго, вышелъ у нихъ споръ, который положено было рѣ-

шить на морѣ. Мухановъ командовалъ 50-пушечнымъ фрегатомъ «Арондель». Въ назначенный для состязанія день приглашены были на корабль всѣ флагманы и нѣкоторые знатнѣйшіе вельможи. Русскій голландецъ одержалъ верхъ, и Петръ въ благодарность подарилъ корабль образомъ Спаса, а въ память того, что почевалъ въ тотъ день въ каютѣ Муханова, отдалъ ему съ себя рубашку.

Изученіе мореходнаго искусства ознакомило царя съ астрономіею, механикою и архитектурою. Онъ учился первой изъ сихъ наукъ въ 1697 г. у извѣстнаго роттердамскаго астронома Гартзукера и для наблюденій приказалъ себѣ выстроить небольшую обсерваторію на городскомъ валу въ Амстердамѣ. Въ Петербургѣ государь весьма часто проводилъ по нѣскольку часовъ вмѣстѣ съ графомъ Яковомъ Вилимовичемъ Брюсомъ въ Готторпскомъ глобусѣ, разсматривая обращеніе небесныхъ свѣтилъ, изображенныхъ на внутреннихъ онаго стѣнахъ. Въ 1715 году, по случаю солнечнаго затменія, онъ, для предупрежденія всякихъ толковъ, за мѣсяцъ до затменія издалъ объ этомъ указъ; построилъ надъ домикомъ, гдѣ былъ глобусъ, обсерваторію, и въ день затменія, приказавъ собраться на Царицынъ лугъ сенату, членамъ коллегій, канцелярскимъ служителямъ и особенно духовенству, провелъ тутъ цѣлый день, подводя каждаго къ трубѣ для наблюденій и объясняя причины видѣннаго явленія.

Искусный въ корабельной и въ военной архитектурѣ, Петръ имѣлъ также понятіе о граждан-

ской. Почитаю излишнимъ говорить, сколь много способствовалъ онъ приращенію Петербурга, имъ самимъ основаннаго. Самъ составлялъ и чертилъ планы строимыхъ тутъ домовъ; любилъ, когда его приглашали къ закладкѣ оныхъ, и съ чистымъ, душевнымъ удовольствіемъ осушалъ заздравные кубки въ честь хозяина и архитектора, обыкновенно испиваемые въ такихъ случаяхъ.

Механика была одною изъ любимыхъ наукъ Петра. Онъ практически занимался ею въ Амстердамѣ у знаменитаго фанъ-деръ-Гейдена, трудился у него надъ дѣланіемъ часовъ и въ знакъ признательности оставилъ ему нѣсколько моделей своей работы. Вообще онъ былъ самый послушный и понятливый ученикъ, безъ ропота исполнялъ самыя трудныя порученія, переносилъ строгіе выговоры. Вотъ тому доказательство. Герцогу Марльборугу, находившемуся въ Голландіи въ 1697 году, хотѣлось видѣть Петра. Онъ пріѣхалъ нарочно изъ Ло въ Амстердамъ и явился для этого къ хозяину, у котораго царь былъ въ ученіи. Домъ сего мастера находился на берегу залива Эй; передъ окнами между плотниками работалъ Петръ. «Я назову его по имени», сказалъ мастеръ Марльборугу: «онъ оборотится и вы успѣете свободнѣе разсмотрѣть его». Въ это время нѣсколько человѣкъ пронесли на плечахъ большое бревно. «Петръ изъ Заандама, что жъ ты зѣваешь? поди помогать другимъ», продолжалъ мастеръ, обратясь къ царю. Государь тотчасъ всталъ, бросилъ топоръ и, подставивъ плечо свое подъ бревно, перенесъ его съ

другими въ надлежащее мѣсто. Въ другой разъ, въ Заандамѣ (въ сентябрѣ того же года) случилось ему проходить мимо пильной мельницы. Петру показалось, что она дѣйствуетъ медленно; онъ хотѣлъ что-то въ ней поправить, но отъ того ли, что забылъ опустить щиты и тѣмъ остановить воду, или что захотѣлъ сдѣлать это слишкомъ поспѣшно, чуть не испортилъ колесъ и самъ не попалъ подъ оныя. «Лучше бы тебѣ оставаться въ своей Московіи, нежели пріѣзжать сюда мѣшаться не въ свое дѣло и причинять убытокъ честнымъ людямъ», сказалъ ему подоспѣвшій хозяинъ мельницы. Царь, не отвѣчавъ ни слова, ушелъ съ потупленнымъ взоромъ; но черезъ нѣсколько дней прислалъ мельнику богатый подарокъ съ просьбою быть къ нему впередъ снисходительнѣе.

Анатомія, медицина, а особенно хирургія и натуральная исторія также занимали досуги Петра. Онъ слушалъ курсъ первой изъ сихъ наукъ въ Амстердамѣ въ 1697 году у извѣстнаго своею ученостію профессора Рюйша; для избѣжанія толпы любопытныхъ, собиравшихся на городскихъ улицахъ, чтобы видѣть его, нанялъ для себя комнату въ гостиницѣ св. Петра, рядомъ съ домомъ профессора, и приказалъ на свой счетъ сдѣлать между сими двумя зданіями коридоръ, слѣды коего до сихъ поръ еще видны. Онъ купилъ у Рюйша его анатомическій кабинетъ, который вмѣстѣ съ собраніемъ аптекаря Себа составилъ собственный его кабинетъ натуральной исторіи (нынѣшній музей Императорской Академіи Наукъ). Раза два или

три въ недѣлю Петръ посѣщалъ оный, пополнялъ тѣлами уродовъ, разными животными и растеніями, изъ коихъ нѣкоторыя находилъ самъ, и всегда присутствовалъ при анатомическихъ операціяхъ, дѣлаемыхъ въ его время въ Петербургѣ.

Любовь Петра къ хирургіи была слѣдствіемъ познаній его въ анатоміи. Однажды, гуляя по масляному рынку въ Амстердамѣ, въ 1697 году, остановился онъ у лавки одного шарлатана, который дошелъ до такого совершенства, что рвалъ зубы ручкою чайной ложки, концомъ шпаги и т. п. Государь призвалъ его къ себѣ, велѣлъ ему повторить опыты своего искусства и, послѣ нѣсколькихъ уроковъ, не уступалъ уже своему учителю. Уроки сіи бралъ онъ въ трактирѣ подъ вывѣскою слона, на площади масляваго рынка, и вмѣсто того, чтобъ получать по грошу съ тѣхъ, которые приходили къ нему рвать себѣ зубы, какъ это обыкновенно дѣлалось, онъ самъ платилъ имъ по шиллингу. Еще и теперь хранится въ музеумѣ Императорской Академіи Наукъ цѣлый мѣшокъ зубовъ, вырванныхъ самимъ государемъ.

Во второе путешествіе свое по Голландіи, Петръ свелъ знакомство съ Боэргавомъ, который тогда былъ ректоромъ Лейденскаго университета, и почерпалъ отъ него новыя свѣдѣнія въ медицинѣ и ботаникѣ: гербарій Петра существуетъ до сихъ поръ; при каждомъ растеніи государь отмѣчалъ собственноручно день, въ который оно имъ сорвано, и мѣсто, гдѣ найдено. Онъ всегда носилъ въ карманахъ два футляра, одинъ съ математическими,

другой съ хирургическими инструментами. Кромѣ того, что рвалъ зубы, онъ пускалъ кровь и даже, въ 1723 году, произвелъ операцію надъ женою голландскаго купца Борета, которая страдала водяною болѣзнію. Когда случалось въ госпиталяхъ отрѣзывать кому-нибудь руку или ногу, онъ всегда при этомъ присутствовалъ и самъ перевязывалъ раны страждущимъ.

Но я никогда не кончилъ бы, если бы захотѣлъ исчислять всѣ роды упражненій императора Петра I, если бы вздумалъ подробно разсказывать, какъ онъ ткалъ въ Утрехтѣ на фабрикахъ Моллема полотно; ковалъ желѣзо на заводѣ Миллера неподалеку отъ Истецкихъ минеральныхъ водъ и бралъ за пудъ по алтыну; какъ работалъ у разныхъ слесарей, стекольщиковъ, и т. п. Довольно, если скажу, что не было науки, не было ремесла, которыми бы онъ не занимался, или, по крайней мѣрѣ, о коихъ не имѣлъ бы яснаго понятія. Здѣсь упомяну еще о занятіяхъ, которымъ онъ особенно посвящалъ свои досуги въ послѣдніе годы своей жизни, а именно о токарномъ искусствѣ и о вырѣзываніи на мѣди.

Токарное искусство любилъ онъ столько, что въ каждомъ изъ дворцовъ своихъ имѣлъ особенную комнату съ токарнымъ станкомъ и даже возилъ его съ собою въ дорогѣ. Токарную комнату государь называлъ мѣстомъ отдыха и, чтобы избавиться отъ безпокойныхъ посѣтителей, прибилъ къ дверямъ слѣдующую собственноручную надпись: «Кому не приказано, или кто не по-

званъ, да не входитъ сюда, не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное». Здѣсь производились всѣ государственныя тайны; здѣсь, вручая инструкціи отправляемымъ за границу посламъ, Петръ давалъ имъ прощальные поцѣлуи въ голову; здѣсь изливалъ онъ милости на достойныхъ и хозяйски наказывалъ виновныхъ. Если случалось кому-нибудь изъ знатнѣйшихъ вельможъ проступиться въ важномъ дѣлѣ, а особенно въ лихоимствѣ, онъ, выславъ всѣхъ изъ комнаты, призывалъ его къ себѣ, запиралъ двери и наказывалъ дубинкою изъ своихъ рукъ, говоря, что поступаетъ въ семъ случаѣ не какъ императоръ съ подданными, а какъ отецъ съ дѣтьми, которыхъ надобно исправлять. Никто не зналъ никогда о семъ исправленіи: потерпѣвшій наказаніе выходилъ изъ токарной съ веселымъ лицомъ, и государь, который вовсе не былъ злопамятенъ, чтобъ не дать постороннимъ примѣтить происходившаго, или провожалъ исправленнаго до двери, или приглашалъ его къ себѣ, или самъ отправлялся къ нему посидѣть, и обходился съ нимъ, какъ будто бы ничего не бывало. Петръ работалъ за токарнымъ станкомъ всегда почти подъ надзоромъ мастера Андрея Нартова, котораго любилъ чрезвычайно. Онъ оставилъ потомству драгоцѣнные плоды своихъ трудовъ. Большая часть вещей, выточенныхъ имъ изъ кости, заключается въ паникадилахъ или другихъ предметахъ, служащихъ къ украшенію храмовъ Божіихъ. Особенно лю-

билъ онъ трудиться надъ изображеніемъ святой Екатерины, котораго до насъ дошло слишкомъ десять экземпляровъ.

Предметы для вырѣзыванія на мѣди были совсѣмъ другого рода. Государь изображалъ на оной достопамятные случаи своего царствованія. Вообще Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ и гордился ими, потому что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно разсказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ въ 1716 году командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: англійскимъ, голландскимъ, датскимъ и россійскимъ. Обыкновенно былъ онъ молчаливъ, говорилъ отрывисто, изъяснялся коротко; тутъ румянецъ выступалъ на блѣдное лицо, въ глазахъ блистали радостныя слезы, слова лились рѣкою, и одна мысль быстро смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи! Какъ сильно опровергалъ пристрастныя сужденія иностранцевъ, называвшихъ его жестокимъ, тираномъ, варваромъ! Онъ любилъ изображать себя въ видѣ каменщика, обтесывающаго молотомъ обрубокъ мрамора, до половины обдѣланный, или кормщика, проведшаго челнъ чрезъ бурю и уже близкаго къ благополучной пристани,

цѣли постоянныхъ его трудовъ и пламенныхъ желаній. Самъ изобрѣталъ и вырѣзывалъ большую часть медалей, при немъ вычеканенныхъ, и всегда составлялъ прозрачныя картины фейерверковъ, коими оканчивалъ свои праздники. Картины сіи относились къ политическимъ происшествіямъ того времени, изображали въ иносказательномъ видѣ или побѣды россійскаго оружія, или успѣхи русскихъ въ просвѣщеніи и гражданской образованности.

Я представилъ одного Петра: въ другое время постараюсь показать нѣкоторыя черты его семейственной жизни.

II.

Увеселенія русскаго двора при Петрѣ I.

Вѣкъ Петра I есть одна изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи нашихъ нравовъ. Царствованіе его представляетъ странную борьбу между обыкновеніями освященными временемъ и обычаями прививными, вывезенными изъ-за моря, смѣсь прежнихъ полуазіатскихъ обыкновеній со вновь вводимыми полуевропейскими. Въ доказательство опишу тогдашнія увеселенія русскаго двора, имѣвшія непосредственное вліяніе на начало и забавы нашихъ обществъ.

Свѣтскія общества, въ которыхъ участвовали мужчины и женщины, начались при Петрѣ Великомъ. Государь ввелъ оныя, справедливо полагая, что ничто болѣе обращенія съ женщинами не можетъ благопріятствовать развитію нравственныхъ способностей русскаго народа. Чтобъ сблизить всѣ состоянія, дворъ давалъ праздники, учреждалъ гулянья, маскарады. Торжественные дни и воспоминанія о побѣдахъ, которыя были часты въ блистательное царствованіе Петра, нерѣдко пода-

вали къ тому поводъ. Въ то время указами предписываемо было участвовать въ забавахъ двора, и такимъ образомъ жители столицы съѣзжались часто, ибо одна только болѣзнь извиняла отсутствующихъ.

Придворные праздники дѣлились на лѣтніе и зимніе. Первые давались въ царскомъ и царицыномъ саду (нынѣшніе лѣтніе—верхній и нижній); послѣдніе—сперва въ царской австеріи или гостиницѣ, которая находилась у самаго канала, окружающаго Петропавловскую крѣпость, подлѣ воротъ, неподалеку отъ Троицкаго собора; потомъ въ Сенатѣ, на Петербургской сторонѣ, или на почтовомъ дворѣ (тамъ, гдѣ нынѣ Мраморный дворецъ). Иногда сзывали гостей барабаннымъ боемъ или афишками; иногда, послѣ обѣдни въ соборѣ св. Троицы, желтый флагъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, держащаго въ когтяхъ четыре моря (Бѣлое, Балтійское, Черное и Каспійское), выставленный на одномъ изъ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, и пушечные выстрѣлы возвѣщали жителямъ столицы, что должно собираться послѣ обѣда въ садъ. Чиновныя особы, дворяне, канцелярскіе служители, корабельные мастера и даже иностранные матросы имѣли право приходить туда съ женами и дѣтьми. Въ 5 часовъ пополудни являлись въ садъ государь и вся императорская фамилія. Въ то время, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится рѣшетка сада, построены были три галлереи: посѣтители пріѣзжали къ саду въ лодкахъ и, привязавъ оныя къ кольямъ на берегу Невы

взбирались по узкой тропинкѣ къ средней галлереѣ. Тутъ государыня и великія княжны, держась стариннаго обыкновенія, какъ хозяйки сада, подносили знатнѣйшимъ изъ гостей по чаркѣ водки или по кружкѣ вина. Императоръ же, черпая большими деревянными ковшами изъ ушатовъ, несомыхъ за нимъ двумя гренадерами, угощалъ такимъ образомъ гвардію, полки Преображенскій и Семеновскій, которые строились на Царицыномъ лугу. Прочимъ посѣтителямъ предоставлено было самимъ черпать изъ бочекъ съ пивомъ, водкою и винами, которыя стояли въ сторонѣ отъ главныхъ аллей. Послѣ того каждый могъ забавляться по произволу. Одни гуляли по саду, другіе оставались въ галлереяхъ, гдѣ былъ приготовленъ полдникъ: въ средней галлереѣ сахарныя закуски для дамъ, въ боковыхъ—холодныя блюда для мужчинъ. Иные садились въ разныхъ углахъ сада за круглые столики, на которыхъ находились трубки съ табакомъ и деревянными спичками, или бутылки съ винами. Болѣе всего замѣчательны господствовавшія на сихъ праздникахъ непринужденность и простота въ обращеніи, отличительныя черты обществъ во время Петра I. Казалось, всѣ были заняты однимъ желаніемъ веселиться и забывали о различіи состояній. Самъ государь, отбросивъ весь этикетъ, обходился со всѣми, какъ съ равными; иногда, сидя съ трубкою за столомъ съ матросами, въ главной аллеѣ, на второй площадкѣ отъ Невы, у большого фонтана, говорилъ онъ о трудностяхъ морской службы, или, ходя съ нѣко-

торыми подъ руку по длиннымъ аллеямъ сада, разсказывалъ о своихъ походахъ. Въ другое время разсуждалъ о богословскихъ предметахъ съ духовными, собиравшимися въ дубовой рощѣ подлѣ дворца, или велъ переговоры съ иностранными министрами. Съ наступленіемъ вечера, садъ освѣщался. Начинались танцы въ аллеяхъ или, въ дождливое время, въ галлереяхъ сада. Праздникъ оканчивался фейерверкомъ, или, какъ сіе тогда называли, огненною потѣхою, зажигаемою на судахъ, расположенныхъ на Невѣ. Тутъ, между прочимъ, горѣли всякій разъ прозрачныя картины съ аллегорическими изображеніями, приличными предмету празднуемаго торжества. Во все время праздника ворота сада были заперты; никто не смѣлъ уйти отъ онаго прежде государя, безъ особеннаго на то позволенія.

Главныхъ побѣдныхъ праздниковъ было четыре: 27 іюня въ память Полтавской битвы, 9 августа въ воспоминаніе взятія Нарвы, 28 сентября въ память сраженія подъ Лѣснымъ, и, наконецъ, 18 октября, въ который торжествовали побѣду подъ Калишемъ. Здѣсь упомяну о двухъ, болѣе достойныхъ вниманія: объ одномъ, который данъ былъ 27 іюня 1721 года въ воспоминаніе Полтавской побѣды, и другомъ, по случаю заключеннаго въ Нейштадтѣ мира. Въ первый служили молебенъ въ открытой палаткѣ, передъ соборомъ св. Троицы. У входа палатки стоялъ государь съ эспонтономъ въ одной и прострѣленною шляпою въ другой рукѣ, и въ томъ же платьѣ, которое носилъ во время

сраженія: въ зеленомъ мундирѣ съ небольшими красными абшлагами и старою лядункою чрезъ плечо и въ зеленыхъ чулкахъ, съ башмаками на высокихъ каблукахъ; позади находились подполковники гвардіи: фельдмаршалъ князь Меншиковъ и генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ. Императрица съ царицею Прасковьею Ѳеодоровною и придворными дамами расположилась въ близлежащемъ домѣ, на балконѣ. Во весь день производилась пушечная пальба съ позлащеннаго царскаго фрегата, стоявшаго на Невѣ противъ Лѣтняго сада. Ввечеру, послѣ гулянья и танцевъ, въ семъ саду данъ былъ фейерверкъ, въ которомъ аллегорическія картины изображали успѣхи русскаго оружія противъ шведовъ.

Праздники 5 сентября и 22 октября 1721 года, данные въ С.-Петербургѣ по случаю Нейштадтскаго мира, отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ. При полученіи о немъ извѣстія, герольды въ рыцарскомъ одѣяніи, съ бѣлыми перевязями черезъ плечо и бѣлыми знаменами, на которыхъ изображена была увѣнчанная лаврами масличная вѣтвь, и музыканты съ литаврами и трубами возвѣщали на всѣхъ улицахъ отъ утра до вечера о предстоящемъ торжествѣ. Въ день праздника собрались въ соборѣ св. Троицы царь со всею фамиліею и знатнѣйшіе чины; кругомъ церкви выстроены были находившіеся въ Петербургѣ полки, а за ними толпился во множествѣ народъ. Когда кончилась обѣдня, Петръ, въ преображенскомъ мундирѣ, съ андреевскою лентою чрезъ плечо, взо-

шелъ на высокій помостъ передъ церковью, снялъ шляпу и, поклонившись народу, произнесъ громкимъ голосомъ: «Здравствуйте, православные! благодарите Бога. Онъ кончилъ трудную войну, продолжавшуюся 21 годъ и даровалъ намъ съ Швеціею вѣчный миръ». Засимъ, велѣвъ подать себѣ ковшъ вина изъ большихъ кадей, которыя стояли передъ помостомъ, и, повторивъ: «Здравствуйте, любезные! да поможетъ намъ Богъ подъ сѣнію мира трудиться для пользы и прибытка вашего и облегчить тягости, понесенныя нами въ войнѣ; здравствуйте!» выпилъ за здоровье народа. Громкія восклицанія признательныхъ россіянъ служили отвѣтомъ монарху, который весь тотъ день провелъ на Троицкой площади, участвуя въ народныхъ увеселеніяхъ и отложивъ торжество мира до 22 октября. Въ сей день, по отпѣтіи божественной литургіи, также въ Троицкомъ соборѣ, прочтена была ратификація мирнаго договора съ Швеціею. Ѳеофанъ произнесъ слово, въ которомъ, исчисливъ всѣ дѣла Петровы, его военные подвиги и гражданскія добродѣтели, приглашалъ народъ увѣковѣчить достопамятный тотъ день, изъявивъ монарху должную признательность. По слову архипастыря, главнѣйшее духовенство, сенатъ и знатнѣйшее дворянство приблизились къ Петру. Канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, какъ старшій, выступилъ впередъ, благодарилъ Петра отъ имени всѣхъ подданныхъ за дарованное имъ Россіи просвѣщеніе, за распространеніе ея владѣній, за силу и богатство, которымъ онъ

положилъ начало, и заключилъ просьбою всѣхъ, чтобъ онъ принялъ названіе Петра Великаго, Отца отечества, Императора Всероссійскаго, дабы потомки не упрекали насъ въ равнодушіи къ великимъ подвигамъ Петра. Едва онъ кончилъ, какъ громкія восклицанія народа внутри и внѣ церкви: «Ура! виватъ! да здравствуетъ императоръ Петръ!» раздались въ воздухѣ. Звуки трубъ и литавръ, барабанный бой, пальба съ Адмиралтейства, крѣпости и 125 галеръ, стоявшихъ на Невѣ, и выстрѣлы 23 полковъ, расположенныхъ на Троицкой площади, какъ будто освятили желаніе народа.

По окончаніи торжества дворъ, иностранные министры и всѣ знатнѣйшія особы обоего пола отправились въ домъ Сената. Мужчины были въ праздничныхъ кафтанахъ, дамы въ платьяхъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ, съ великолѣпными головными уборами. Одна только вдовствующая царица Прасковья, супруга Іоанна Алексѣевича, сохранила право одѣваться по старинному обыкновенію, т. е. въ черной бархатной шубейкѣ, съ мѣховою шапкою на головѣ. Послѣ пышнаго стола, который былъ накрытъ на 1000 кувертовъ, раздавались золотыя медали, выбитыя по случаю мира изъ русскаго золота. Праздникъ кончился танцами, за коими послѣдовалъ великолѣпный фейерверкъ. Между прочимъ представлялся тутъ храмъ Януса, освѣщенный 20,000 разноцвѣтныхъ огней, и два воина, которые, затворивъ врата онаго, подали другъ другу руки въ знакъ примиренія. За хра-

момъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, видны были на волнахъ синѣющаго моря корабли, надъ коими леталъ голубь съ масличною вѣтвію, а впереди, на высокихъ подмосткахъ, лежали для народа жареные быки съ позлащенными рогами; по сторонамъ били фонтаны бѣлаго и краснаго вина.

Въ орденскіе кавалерскіе праздники, одинъ изъ кавалеровъ (обыкновенно Меншиковъ) давалъ обѣдъ; всѣ же другіе угощали другъ друга тремя кружками вина: одну выпивали за благоденствіе флота и войска, другую за здоровье всѣхъ кавалеровъ, третью за здоровье хозяина. Число кавалеровъ въ столицѣ опредѣляло число кубковъ, осушенныхъ ими въ таковые дни.

Любимою забавою Петра было катанье въ лодкахъ. Катанья дѣлились на лѣтнія и зимнія, на общія и частныя. Извѣстно, что въ Петербургѣ во все время царствованія Петра не было на Невѣ мостовъ. Государь раздалъ всѣмъ для переправы суда, написавъ собственноручно инструкцію для управленія оными. Первоклассным вельможамъ подарено было по яхтѣ, по буеру и по двѣ шлюпки, одной въ 12, другой въ 4 весла. Прочимъ изъ жителей менѣе, смотря по чинамъ. Каждый хозяинъ обязанъ былъ содержать суда свои въ цѣлости и отвѣчалъ за нихъ. Въ назначенный для катанья день выставляли въ четырехъ концахъ города флаги: всѣ суда, подъ опасеніемъ значительнаго штрафа, должны были собраться близъ Петропавловской крѣпости, у австеріи 4 фрегатовъ, неподалеку отъ Троицкаго моста. По пушечному вы-

стрѣлу флотилія сія выступала въ походъ. Адмиралъ Апраксинъ открывалъ шествіе съ своею яхтою, имѣвшею для отличія красный съ бѣлымъ флагъ. Никто не смѣлъ опередить его или уѣхать безъ его позволенія. Потомъ слѣдовала императорская шлюпка, гдѣ находились государыня и великія княжны, а рулемъ правилъ самъ Петръ, одѣтый въ бѣлое матросское платье; а за сею шлюпкою прочія безъ разбора. На нѣкоторыхъ лодкахъ ставились качели; лодки сіи должны были подъѣзжать къ гуляющимъ, спрашивая, нѣтъ ли желающихъ позабавиться. Знатные возили съ собою музыку. Сіе множество судовъ, стройно слѣдовавшихъ одно за другимъ, изъ коихъ нѣкоторыя были вызолочены, украшены рѣзьбою и внутри обиты краснымъ или зеленымъ бархатомъ, съ широкими золотыми позументами по краямъ, согласныя усилія гребцовъ въ бѣлыхъ рубашкахъ и звуки трубъ, литавръ и валторнъ, далеко раздававшіеся по волнамъ, очаровывали зрѣніе и слухъ.

Катанья обыкновенно оканчивались у загородныхъ дворцовъ Екатерингофа и Стрѣльны. Тамъ всякій разъ готовы были закуски; гуляющіе, вышедъ на берегъ, полдничали, ходили по рощамъ и съ наступленіемъ вечера возвращались въ городъ въ томъ же порядкѣ. Иногда предпринимались дальнѣйшія поѣздки, т. е. въ Петергофъ, Ораніенбаумъ, принадлежавшій князю Меншикову, въ Кронштадтъ и даже въ Ревель. Безпрестанная пальба съ судовъ и громъ музыки оглашали воздухъ во время пути. Иногда сіи забавы имѣли

непріятныя слѣдствія. Не говоря уже, что многія дамы долго не могли пріучиться къ плаванію въ открытомъ морѣ, неумѣніе управлять судами во время бури приводило въ страхъ и часто подвергало опасности гуляющихъ. Подобный случай былъ 21 мая 1714 года. Въ то время пріѣзжалъ въ Петербургъ посланникъ бухарскаго хана Гаджи-Могамедъ-Багадира. Царь пригласилъ его принять участіе въ предполагаемомъ путешествіи въ Кронштадтъ. По неопытности капитана, шнява, на которой находился посланникъ, канцлеръ графъ Головкинъ и нѣсколько сенаторовъ, попала между мелей. Пока было тихо, опасность была не велика; но къ 9 часамъ вечера возстала сильная буря: разбило шлюпку, привязанную сзади, оторвало якорь и бросило судно на мель; все, казалось, грозило шнявѣ погибелью. Посланникъ, никогда до того не видавшій моря, дрожалъ отъ страха, но видя наконецъ, что нѣтъ надежды на спасеніе, закутался въ шелковое одѣяло, легъ на палубѣ и велѣлъ муллѣ своему, ставъ на колѣна, читать надъ собою молитвы изъ Корана. Къ утру буря утихла, и присланныя отъ царя галеры привели шняву въ Кронштадтъ.

Зимнія катанья въ лодкахъ были не столько опасны. Отъ дворца до Петропавловской крѣпости расчищали на Невѣ ледъ; боты и другія небольшія суда ставили на полозья или на коньки, и, натянувъ паруса, пускались по вѣтру въ такомъ же порядкѣ, какой наблюдался въ лѣтнихъ катаньяхъ. Адмиральская шлюпка указывала путь прочимъ

судамъ: сообразуясь съ ея движеніями, они лавировали и дѣлали разные маневры по льду, «для того, чтобъ не забыть морскихъ эволюцій,» говаривалъ Петръ. Сіи катанья продолжались по нѣскольку часовъ. Во время отдыха подносили всѣмъ мужчинамъ, отъ имени государя, горячій пуншъ, а дамамъ глинтвейнъ.

Въ частныхъ катаньяхъ участвовала одна императорская фамилія. Государь въ шкиперскомъ платьѣ управлялъ дѣйствіемъ яхты, въ которой сидѣли императрица, великія княжны Анна и Елисавета и царевны Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны, одѣтыя всѣ въ канифасовыхъ кофточкахъ, юбкахъ изъ красной матеріи и небольшихъ шляпкахъ, наподобіе того, какъ и теперь еще одѣваются жены заандамскихъ корабельщиковъ. Цѣлію катанья былъ обыкновенно Екатерингофъ. Здѣсь иногда, близъ пристани, встрѣчалъ высокихъ посѣтителей адмиралъ Апраксинъ съ пушечною пальбою. «Пріучаю семейство мое къ водѣ, чтобъ не боялись и полюбили море,» говаривалъ Петръ своимъ приближеннымъ, когда заходилъ разговоръ о таковыхъ прогулкахъ.

Описывая катанья по водѣ, могу ли не упомянуть о закладкѣ и спускѣ кораблей. Петръ, создатель русскаго флота, не могъ не радоваться успѣхамъ великаго своего предпріятія. Оттого всякій подобный случай былъ для него истиннымъ праздникомъ. Наканунѣ извѣщали о семъ происшествіи барабаннымъ боемъ. Въ самый день корабельной закладки или спуска, по пушечному вы-

стрѣлу изъ крѣпости, всѣ отправлялись въ Адмиралтейство. Въ первомъ случаѣ, послѣ молебна, главный корабельный мастеръ Головинъ вбивалъ въ киль первый гвоздь и мазалъ его смолою. За нимъ дѣлали то же царь и прочіе корабельные мастера. Во все время работы производилась изъ Адмиралтейства пушечная пальба. По окончаніи закладки императоръ со всею фамиліею и всѣми присутствовавшими отправлялся въ флагманскую залу, которой стѣны и потолокъ увѣшены были взятыми отъ шведовъ знаменами. Тутъ ждалъ посѣтителей сытный обѣдъ, послѣ котораго всѣ съѣзжались къ генералъ-адмиралу Апраксину, чтобъ за кубкомъ вина пожелать благополучнаго окончанія начатому дѣлу.

Во время корабельныхъ спусковъ, по совершеніи молебна на новопостроенномъ суднѣ, царь, взявъ въ руки топоръ, подрубалъ одну изъ подпорокъ, на которыхъ стоялъ корабль. Звуки трубъ и литавръ, громкія восклицанія народа и пушечные выстрѣлы съ крѣпости и Адмиралтейства оглашали воздухъ. Когда якорь былъ брошенъ, Петръ, въ богатомъ, шитомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ, съ андреевскою лентою черезъ плечо, всходилъ первый на корабль и привѣтствовалъ всѣхъ, приходившихъ къ нему съ поздравленіями, поцѣлуемъ въ голову. Императрица и великія княжны подносили имъ по рюмкѣ вина. Между тѣмъ въ каютахъ накрыты были столы, въ верхнихъ для дамъ, а въ нижнихъ для мужчинъ. За столъ, гдѣ находился государь, са-

дились по правую сторону корабельные мастера, плотники и всѣ участвовавшіе въ постройкѣ вновь спущеннаго судна; по лѣвую — знатнѣйшія особы. Не было обѣдовъ шумнѣе: самъ Петръ былъ всегда за оными чрезвычайно веселъ. Между гостями его царствовала совершенная непринужденность: тосты слѣдовали одинъ за другимъ. Вино, особенно венгерское, лилось полной чашей. Сіи пирушки на корабляхъ продолжались отъ 4 часовъ пополудни до 2 часовъ пополуночи, и всякій обязанъ былъ принимать въ оныхъ равное участіе. Въ концѣ обѣда общество пирующихъ представляло странныя группы: такъ, напримѣръ, 27 іюня 1721 года, при спускѣ корабля «Пантелеймона», видѣли въ одномъ углу валлахскаго князя Кантемира, борющагося съ оберъ-полицеймейстеромъ графомъ Девіеромъ; въ другомъ — старикъ-адмиралъ Апраксинъ, со слезами на глазахъ, дрожащею рукою подносилъ послѣдній кубокъ полусоннымъ своимъ пріятелямъ. Вездѣ слышны были чоканья стакановъ и обѣты вѣчной дружбы; изрѣдка шумъ и споры.

Говорить ли вамъ о масленичныхъ маскарадахъ, гдѣ маски, собравшись по пушечному выстрѣлу на площади противъ собора Св. Троицы, у такъ называемой пирамиды 4 фрегатовъ *), по сигналу, поданному самимъ государемъ, который былъ

---

*) Пирамида сія была деревянная и построена въ память первой морской побѣды надъ шведами при Гангудѣ въ 1714 году.

одѣтъ барабанщикомъ, скидали плащи и показывались въ своихъ нарядахъ. Тутъ, посреди множества испанцевъ, грековъ, турокъ, китайцевъ и индѣйцевъ, являлись карлы съ длинными бородами, возившіе въ тележкахъ гайдуковъ царскихъ, спеленанныхъ какъ дѣти. Говорить ли вамъ о катаньяхъ, гдѣ между множествомъ огромныхъ саней, которыя сдѣланы были наподобіе лодокъ, иныя въ 20 футовъ длины, и въ которыхъ находились въ костюмахъ царская фамилія, иностранные министры и знатнѣйшія особы обоего пола, видны были: Нептунъ въ раковинѣ, съ трезубцемъ, влекомый двумя сиренами; Бахусъ, ѣдущій на бочкѣ съ кубкомъ въ одной и ливеромъ въ другой рукѣ; государевъ шутъ, одѣтый медвѣдемъ, въ саняхъ, запряженныхъ шестью медвѣдями же; камчадалъ и камчадалка, ѣхавшіе въ нартѣ на собакахъ, и, наконецъ, множество арлекиновъ и масокъ, изображавшихъ разныхъ звѣрей и птицъ? Подобные маскарады продолжались цѣлую недѣлю. Участвовавшіе въ оныхъ собирались за нѣсколько дней къ князю Меншикову, который назначалъ каждому его мѣсто во время маскараднаго шествія; всѣ служащіе должны были, подъ опасеніемъ штрафа въ 50 рублей, ходить во все это время въ костюмахъ и маскахъ, если даже не участвовали въ катаньяхъ. Опасаясь наскучить вамъ подробностями, ограничусь только замѣчаніемъ, что всѣ масленичные маскарады во время Петра I носили на себѣ отпечатокъ вкуса грубаго, необразованнаго, въ то время еще общаго въ Европѣ.

Качели, составляющія нынѣ главнѣйшее увеселеніе русскихъ въ масленицу, были въ употребленіи и при Петрѣ; но съ той разницею, что сія забава тогда не исключительно принадлежала простому народу, какъ теперь. Всѣ состоянія принимали въ ней участіе. Въ 1722 году въ Москвѣ, въ понедѣльникъ сырной недѣли, царь съ офицерами гвардіи открылъ праздчество масленицы на площади у Красныхъ воротъ, нѣсколько разъ провертѣвшись на качеляхъ. Засимъ качались солдаты. Петръ между тѣмъ сѣлъ за столъ, приготовленный подъ открытымъ небомъ, у самыхъ воротъ, и народъ, признательный за то, что самъ царь принимаетъ участіе въ его увеселеніяхъ, толпился вокругъ, оглашая воздухъ радостными восклицаніями. Точно то же было и съ ледяными горами: онѣ обыкновенно были покрыты до вторника масленой недѣли. Въ сей день народъ собирался на рѣку: по данному знаку шатеръ, подъ которымъ находились горы, раскрывался, и государь, а за нимъ императорская фамилія первые скатывались съ оныхъ.

Я упомяну подробнѣе о музыкѣ въ письмѣ моемъ о русскихъ ассамблеяхъ. Нѣкоторые вельможи имѣли свои капеллы; но между высшимъ сословіемъ весьма немногіе сами занимались музыкою. По извѣстіямъ современныхъ писателей, изъ русскихъ дамъ княгини Кантемиръ и Черкасская и графини Головины, воспитанныя въ Швеціи, гдѣ отцы ихъ, генералъ-лейтенантъ князь Трубецкой и генералъ-адмиралъ Головинъ, находились въ

плѣну, умѣли только играть на фортепіано. Прочія считали неприличнымъ посвящать часы досуга сему занятію. Концерты были, однакоже, въ модѣ. Прусскій посланникъ баронъ Мардефельдъ, самъ превосходно игравшій на лютнѣ, не разъ забавлялъ оными петербургскую публику. Голштинскій министръ графъ Бассевицъ также давалъ музыкальныя собранія. Въ великій постъ 1722 года вся Москва съѣзжалась къ нему слушать духовныя ораторіи, игранныя музыкантами голштинскаго герцога Карла Фридриха. Музыканты сіи пользовались большою славою въ Петербургѣ: въ дни Новаго года, Свѣтлаго Воскресенья или именинъ государыни герцогъ до разсвѣта являлся съ ними подъ окнами императрицы и серенадами приносилъ ей свои поздравленія. — Рюмка вина, подносимая великою княжною Анною Петровною герцогу и всей его свитѣ, была обыкновенно наградою за ихъ вниманіе.

Наконецъ остается мнѣ упомянуть о театрѣ. Театровъ было нѣсколько. Это увеселеніе, кажется, было въ тогдашнее время не во вкусѣ русскихъ; ибо, при всѣхъ стараніяхъ государя, театры не не могли удержаться. Еще въ малолѣтство Петра семинаристы Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ играли комидіи духовныя, какъ Юдиѳь отсѣкла голову Олоферну, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и т. п. Нѣкоторыя изъ комедій сочиняла царевна Софія Алексѣевна, другія были написаны преосвященнымъ Дмитріемъ Ростовскимъ. Піесы послѣдняго были всѣ духовнаго

содержанія, и одна изъ нихъ начиналась и оканчивалась двустишіемъ:

Благословенъ Господь отъ нынѣ и до вѣка,
Отъ всякаго зелія и даже до человѣка.

Свѣтскія комедіи давались на Сухаревой башнѣ и въ госпиталѣ. Актерами были ученики математической или хирургической школъ, которые помѣщены были въ сихъ зданіяхъ. Иностранцы: Куништъ, выписанный изъ Данцига въ 1701 году, Отто Фирштъ и Манцъ были при Петрѣ образователями нашихъ актеровъ, которыхъ выбирали изъ подъячихъ или посадскихъ людей. Государь велѣлъ построить для нихъ въ Москвѣ, на Красной площади, противъ гостинаго двора, деревянный домъ, извѣстный въ то время подъ именемъ комидіальной храмины. Представленія давались по понедѣльникамъ и четвергамъ, и дабы заохотить къ посѣщенію комедій, повелѣно было ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ, обыкновенно запираемыя въ 8 часовъ вечера, держать отворенными до 10 и не брать за это указныхъ пошлинъ съ проѣзжающихъ. Главнѣйшія піесы того времени были:

1) О Франталпѣѣ, королѣ эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его, и о прочихъ.

2) О честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона Арцухъ (герцогъ) Фредерикъ фонъ-Поплей.

3) Тюремной заключникъ, или принцъ Пикель Гирингъ.

4) О графинѣ Тріерской Геновевѣ.

5) Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Цесарь.

6) Александръ и Дарій Македонскій, комедія въ 18 дѣйствіяхъ.

7) Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитеръ, и

8) Докторъ принужденный.

Съ переѣздомъ двора въ Петербургъ прибыли сюда и русскіе актеры. Царевна Наталья Алексѣевна, выпросивъ себѣ въ 1716 году большой домъ на Петербургской сторонѣ, въ Никольской улицѣ, устроила въ немъ ложи и родъ партера. Труппа сего театра состояла изъ 10 актеровъ и актрисъ: въ оркестрѣ находилось 16 музыкантовъ, игравшихъ на духовыхъ инструментахъ. Царевна сама сочиняла трагедіи и комедіи, иныя въ 12 дѣйствій и болѣе, заимствовавъ предметы изъ Библіи или изъ свѣтскихъ происшествій. Представленія одной піесы продолжались иногда по нѣскольку вечеровъ сряду. Особенно замѣчательна одна изъ сихъ піесъ, въ которой представлены были, въ иносказательномъ видѣ, возмущеніе стрѣльцовъ, ихъ покушеніе на жизнь царя и наконецъ совершенное уничтоженіе гибельныхъ ихъ замысловъ и постигшая ихъ казнь. Въ концѣ спектакля являлся одинъ изъ придворныхъ служителей, который пояснялъ публикѣ темныя мѣста въ трагедіи и, указывая на бездушные трупы актеровъ, заключалъ нравоученіемъ, сколько должно уважать существующую власть. Зрѣлища сіи позволено было смотрѣть всякому: приходившимъ подносили по рюмкѣ вина и по кренделю.

Въ это же время явилась въ Петербургѣ нѣмец-

кая труппа, дававшая свои представленія на Литейной, въ домѣ графа Брюса. Дворъ прилежно посѣщалъ оныя. Вообще нѣмецкая драматическая литература того времени состояла большею частію изъ тупыхъ фарсовъ, въ которыхъ площадныя шутки замѣняли остроту; изъ ужасныхъ или сантиментальныхъ трагедій, гдѣ всѣ умирали на сценѣ, или гдѣ цари говорили языкомъ аркадскихъ пастушковъ. Петръ, который во всемъ имѣлъ вѣрный вкусъ, обѣщалъ актерамъ богатое награжденіе, если они представятъ піесу трогательную безъ любви и веселую безъ шутокъ, выходящихъ за предѣлы благопристойности. Разумѣется, что они дурно исполнили это порученіе, но государь, для ободренія, велѣлъ выдать имъ обѣщанное.

По смерти Натальи мекленбургская герцогиня Екатерина, дочь царя Іоанна Алексѣевича, приняла на себя управленіе театромъ. Въ Петербургѣ былъ уже спектакль въ ея домѣ на Васильевскомъ острову, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ музей Императорской академіи наукъ; въ Москвѣ—въ селѣ Измайловѣ, принадлежавшемъ ея матери, царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ. Герцогиня сама распоряжалась представленіемъ и потому во время онаго находилась за кулисами. Въ антрактахъ являлись старые дураки и дуры, которые забавляли посѣтителей пляскою подъ звукъ рожка съ припѣвомъ.

Изъ сказаннаго выше вы видите, что всѣ увеселенія временъ Петра I имѣютъ нѣчто отличное,

свойственное своему времени. Вы еще болѣе въ томъ удостовѣритесь, взглянувъ на множество карлъ и карлицъ, которые занимаютъ немаловажное мѣсто въ лѣтописяхъ тогдашнихъ забавъ. Въ концѣ XVII вѣка карлы и шуты были еще въ употребленіи при всѣхъ европейскихъ дворахъ. Оттого вы встрѣтите ихъ во множествѣ и у насъ, какъ при дворѣ, такъ и въ частныхъ домахъ. Государю вздумалось однажды позабавить герцога и герцогиню курляндскихъ свадьбою карлъ. Петръ велѣлъ одному изъ нихъ выбрать себѣ супругу изъ дѣвушекъ одинакаго съ нимъ роста; 13 ноября 1710 года назначена была свадьба. Созвали на сей праздникъ указомъ 19 августа 1710 года *) всѣхъ карлъ, находившихся тогда въ Москвѣ и Петербургѣ. Накапунѣ свадьбы двое изъ нихъ, бывшіе шаферами, поѣхали въ колясочкѣ о трехъ колесахъ, въ одну лошадь, убранную разноцвѣтными лентами, звать гостей, имѣя впереди верхомъ двухъ

*) Вотъ указъ сей въ подлинникѣ:

«Карлъ мужеска и дѣвичска пола, которые нынѣ живутъ въ Москвѣ въ домахъ боярскихъ и другихъ ближнихъ людей, собравъ всѣхъ, выслать съ Москвы въ Петербургъ сего августа 25 дня, а въ тотъ отпускъ въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ карлы живутъ, сдѣлать къ тому дню на нихъ карлъ платье: на мужеской полъ кафтаны и камзолы нарядные цвѣтные съ прозументами золотыми и съ пуговицами мѣдными золочеными, и шпаги, и портупеи, и шляпы, и чулки, и башмаки нѣмецкіе добрые; на дѣвическъ полъ верхнее и исподнее нѣмецкое платье, и фантажи, и всякой приличной доброй уборъ и въ томъ взять тѣхъ домовъ съ стряпчихъ сказки», и проч.

офиціантовъ въ ливреѣ. На другой день, когда всѣ гости съѣхались въ назначенный домъ, молодые отправились въ большомъ торжествѣ къ вѣнцу. Впереди шелъ карла, исправлявшій должность маршала, съ жезломъ, къ концу котораго привязанъ былъ букетъ изъ лентъ. За нимъ женихъ и невѣста съ шаферами; потомъ самъ царь, множество дамъ, нѣкоторые министры и другія знатнѣйшія особы. Шествіе заключалось 72 карлами и карлицами, первые въ свѣтлоголубыхъ или розовыхъ французскихъ кафтанахъ, треугольныхъ шляпахъ и при шпагахъ; послѣднія въ бѣлыхъ платьяхъ съ розовыми лентами. Послѣ церемоніи всѣ отправились къ князю Меншикову, гдѣ ожидалъ молодыхъ богатый обѣдъ. Карлы сидѣли въ срединѣ. Столы жениха и невѣсты были подъ шелковыми балдахинами, а надъ стуломъ невѣсты висѣли три лавровыхъ вѣнка. Маршалъ и 8 шаферовъ имѣли для отличія кокарды изъ кружевъ и разноцвѣтныхъ лентъ. Кругомъ, вдоль по стѣнамъ залы, сидѣли царская фамилія и прочіе посѣтители. Праздникъ кончился пляскою, въ коей участвовали одни карлы.

Сей карла, котораго свадьба здѣсь описана, умеръ въ январѣ 1724 года. Похороны его также производились съ отличною церемоніею. Впереди шло человѣкъ 30 пѣвчихъ небольшого роста; старшему было не болѣе 13 лѣтъ. Гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, съ серебряными позументами и кистями, поставили на построенныя для сего нарочно саночки, запряженныя шестью не-

большими жеребятами въ черныхъ попонахъ. Въ головахъ покойника, на спинкѣ саней, сидѣлъ пятидесятилѣтній карла, братъ умершаго. За гробомъ слѣдовали: сперва карла, исправлявшій должность маршала, съ жезломъ, который перевитъ былъ чернымъ и бѣлымъ крепомъ, а потомъ 24 другихъ попарно, въ черныхъ платьяхъ, длинныхъ плащахъ и треугольныхъ шляпахъ, завѣшенныхъ флеромъ. За мужчинами шли женщины: впереди ведшій ихъ маршалъ; потомъ карлица великихъ княженъ и другая, герцогини мекленбургской, которыя, какъ родственницы покойнаго, ведомы были подъ руки, каждая двумя карлами, а наконецъ прочія 24, также попарно, съ гирляндами на головахъ и длинными черными покрывалами. По сторонамъ сей процессіи слѣдовали съ факелами царскіе гайдуки и гренадеры. Въ замкѣ находились государь, герцогъ голштинскій, князь Меншиковъ и многіе вельможи, которые провожали покойника отъ дворца до Зеленаго, нынѣшняго Полицейскаго моста. Когда тѣло было предано землѣ, всѣ участвовавшіе въ церемоніи возвратились во дворецъ, гдѣ посадили ихъ за особенные столики, на маленькихъ стульяхъ, и угостили великолѣпнымъ обѣдомъ.

Шуты, или, какъ ихъ тогда называли, дураки, были едва ли не въ большемъ числѣ, нежели карлы. При дворѣ и во всякомъ почти домѣ находились шуты или шутихи. Петръ употреблялъ иногда первыхъ на то, чтобъ въ обществѣ говорить рѣзкія правды вельможамъ, которыми былъ недоволенъ, и когда сіи послѣдніе жаловались на котораго-ни-

будь изъ нихъ государю: «что вы хотите, чтобъ я съ нимъ дѣлалъ», отвѣтствовалъ императоръ, «они дураки». Дура днемъ играла съ барынею въ дураки и не смѣла никогда выиграть; вечеромъ разсказывала ей сказки, чтобъ прогнать ея безсонницу. Въ праздничные дни, или когда случались гости, дура, разряженная, какъ 18-лѣтняя дѣвушка, забавляла собраніе прыжками, кривляньемъ и пѣньемъ. Преимущественно старались выбирать для сего старыхъ женщинъ, полагая, что чѣмъ дура старѣе, тѣмъ она охотнѣе къ разсказамъ и тѣмъ забавнѣе въ пляскѣ.

III.

Первые балы въ Россіи.

Балы введены въ Россіи Петромъ Великимъ по возвращеніи его изъ-за границы, въ 1717 году. Парижскія общества, и тогда законодатели моды, вкуса, любезности и свѣтскаго обращенія, были заманчивою новостью для россійскаго монарха. Слѣдствіемъ этого былъ указъ 1719 года о неслыханныхъ дотолѣ собраніяхъ обоего пола, названныхъ ассамблеями. Вотъ его содержаніе.

1) Желающій имѣть у себя ассамблею долженъ извѣстить о томъ каждаго прибитымъ къ дому билетомъ.

2) Ассамблеи начинать не ранѣе 4 или 5 часовъ пополудни, а оканчивать не позже 10.

3) Хозяинъ не обязанъ ни встрѣчать, ни провожать гостей, или почему-либо для нихъ безпокоиться; но долженъ имѣть на чемъ ихъ посадить, чѣмъ ихъ потчевать и чѣмъ освѣтить комнаты.

4) Каждый можетъ приходить въ ассамблею, въ которомъ часу ему угодно, сидѣть, ходить, танцовать или играть.

5) Въ ассамблеи могутъ приходить: чиновныя особы, всѣ дворяне, извѣстнѣйшіе купцы, корабельные мастера и канцелярскіе служители съ женами и дѣтьми.

6) Слугамъ отвести въ домѣ особыя комнаты, чтобы въ покояхъ ассамблеи было просторнѣе.

7) Преступившій сіи правила подвергается наказанію осушить кубокъ большого орла.

Говорятъ, что указъ сей произвелъ различныя впечатлѣнія. Заключенныя въ высокихъ теремахъ красавицы наши, которыя только по праздникамъ осмѣливались подходить къ косящатымъ окнамъ, чтобъ посмотрѣть на гуляющій по улицамъ народъ, втайнѣ радовались большей свободѣ. Съ другой стороны, матушки, воспитанныя по старинѣ, неохотно повиновались волѣ государевой и жаловались на развращенное время, въ которое дѣвушкамъ позволялось, не краснѣя, разговаривать и даже (чего Боже сохрани) прыгать съ молодыми мужчинами.

Ассамблеи устроены были слѣдующимъ образомъ. Въ одной комнатѣ танцовали; въ другой находились шахматы и шашки; въ третьей—трубки съ деревянными спичками для закуриванія, табакъ, разсыпанный на столахъ, и бутылки съ винами.

Ассамблеи начинались всякую зиму у государя, а оканчивались у оберъ-полицеймейстера. Онъ по списку, составленному самимъ государемъ, извѣщалъ за нѣсколько дней особъ, у коихъ надлежало собираться, о наступавшей очереди. Хозяинъ

приглашалъ знатнѣйшихъ, прочихъ извѣщали о семъ барабаннымъ боемъ по городу, или на перекресткахъ улицъ прибивались къ домамъ приглашенія ко всѣмъ проходящимъ, чтобъ пожаловали къ такому-то попрыгать и повеселиться. Въ день ассамблеи являлся къ хозяину въ два часа оберъ-полицеймейстеръ съ пятью канцеляристами, которые записывали пріѣзжающимъ, для того, чтобъ потомъ донести о семъ государю. Въ три начинали съѣзжаться. Обыкновенно, и дамы и мужчины пріѣзжали въ самыхъ богатыхъ нарядахъ; только во время траура при дворѣ, никто, кромѣ императрицы, не имѣлъ права носить драгоцѣнныхъ камней, золота или серебра. Въ 6 часовъ пріѣзжалъ императоръ и немного спустя государыня съ великими княжнами: ей одной хозяинъ выходилъ навстрѣчу и ее одну провожалъ до кареты. Излишняя учтивость къ прочимъ посѣтителямъ наказывалась осушеніемъ кубка большого орла. Дамъ угощали чаемъ, кофеемъ, миндальнымъ молокомъ, медомъ и вареньями; мужчинъ—пивомъ, виномъ и трубками. Лимонадъ, оршадъ, а особенно шоколадъ считались рѣдкостью и подавались только на ассамблеяхъ у герцога голштинскаго и министра его Бассевица въ 1723 году.

Впослѣдствіи, когда любезность утвердила въ нашихъ обществахъ законы приличія, вошелъ въ употребленіе слѣдующій обычай. Хозяинъ во время танцевъ подносилъ букетъ цвѣтовъ дамѣ, которую хотѣлъ отличить. Дама сія становилась царицею бала, распоряжала танцами, и тотъ же букетъ тор-

жественно отдавала другому кавалеру, назначая при томъ день, въ который желала танцовать въ его домѣ. Получившій цвѣты обязанъ былъ слѣпо повиноваться волѣ красавицы. Накапунѣ назначеннаго ею дня посылалъ онъ ей вѣеръ, пару перчатокъ и также цвѣты, съ которыми она являлась въ собраніе, и, какъ владѣтельница букета, оставалась царицею бала до новаго избранія. Обыкновеніе это, напоминающее времена рыцарскія, въ которыя красота была душею всего великаго, продолжалось до царствованія императрицы Екатерины II.

Русская пляска, вмѣстѣ съ длинными кафтанами и сарафанами, осталась только въ нижнемъ классѣ народа; замѣнили оную степенный польскій, тихій менуэтъ и рѣзвый англійскій контрдансъ. Плѣнные шведскіе офицеры, находившіеся въ Петербургѣ, первые учили танцовать русскихъ дамъ и кавалеровъ; они долго были единственными танцорами въ ассамблеяхъ. Кромѣ сказанныхъ танцевъ, былъ церемоніальный, которымъ всегда начинались свадебные и вообще торжественные праздники: становились, какъ въ экосезѣ; при степенной музыкѣ, мужчина кланялся своей дамѣ и потомъ ближайшему кавалеру; дама его слѣдовала тому же примѣру, и, сдѣлавъ кругъ, оба возвращались на свое мѣсто. Сіи поклоны, повторенные всѣми, заключались польскимъ; тогда маршалъ, завѣдывавшій праздникомъ, громко объявлялъ, что церемоніальные танцы кончились. Наставала шумная веселость: всякій изъ посѣтителей могъ уча-

ствовать въ танцахъ. Въ менуэтахъ дамамъ предоставленъ былъ выборъ. Кавалеръ, кончившій танецъ съ выбравшею его дамою, обязанъ былъ, въ свою очередь, выбрать другую и, протанцовавъ съ нею, перестать; дама же продолжала танцовать съ другимъ кавалеромъ. Такимъ образомъ менуэтъ продолжался, пока музыка не возвѣщала о перемѣнѣ. Польскіе и контрдансы похожи были на нынѣшніе, съ тою только разницею, что первые были весьма медленны и продолжительны, а въ послѣднихъ каждая пара дѣлала свои фигуры, повторяемыя прочими. Вообще наши тогдашніе танцовщики, одѣтые по образцу придворныхъ Людовика XIV, перенимали и въ обращеніи уловки сихъ корифеевъ свѣтской жизни; но, подражая, старались иногда превосходить тѣхъ, которыхъ брали за образецъ. Такимъ образомъ мужчина, желавшій танцовать съ дамою, подходилъ къ ней не прежде, какъ послѣ трехъ церемоніальныхъ поклоновъ; во время танцевъ едва касался пальцами ея пальцевъ, а когда оканчивалъ, тогда изъявлялъ свою благодарность, поцѣловавъ ей руку. Гордая поступь въ польскомъ, важная осанка и узорчатыя па въ менуэтахъ отличали хорошихъ танцовщиковъ.

Вскорѣ различныя степени образованія раздѣлили общества: собранія не прерывались, но ихъ могли посѣщать только особы, приглашенныя хозяиномъ. Тамъ-то важнѣйшіе въ государствѣ люди забывали на время свое величіе: императорская фамилія старалась ласковымъ обращеніемъ и участіемъ въ забавахъ не дать замѣтить своего при-

сутствія. Императоръ, императрица и великія княжны всегда много танцовали, особенно послѣднія. Императрица съ супругомъ, или съ герцогомъ голштинскимъ, или съ княземъ Меншиковымъ, открывала балъ. Всякому свободно было просить великихъ княженъ, и какъ многіе искали сей чести, то онѣ не знали отдыха. Одна только царевна Прасковья, сестра императрицы Анны, не любила танцевъ, и не иначе пускалась въ оные, какъ по повелѣнію самаго государя. Люди преклонныхъ лѣтъ и почтеннаго званія также прыгали вмѣстѣ съ другими. Царь забавлялся ихъ усталостію. Такимъ образомъ въ 1721 году, на свадьбѣ генерала-маіора князя Трубецкого съ дочерью главнаго корабельнаго строителя Ив. Мих. Головина, подозвавъ къ себѣ генералъ-адмирала графа Ѳ. М. Апраксина, вице-канцлера барона Шафирова, князя Кантемира, двухъ сенаторовъ князей Голицына и Гр. Ѳед. Долгорукаго, П. А. Толстаго и генерала Ив. Ив. Бутурлина, всѣхъ лѣтъ 60 и болѣе, онъ назначилъ каждому молодую даму и, взявъ самъ императрицу, пошелъ съ ними танцовать родъ нынѣшняго гроссфатера. Оный продолжался около часу. Государь, бывшій въ первой парѣ, дѣлалъ самыя трудныя па, и всякій изъ танцующихъ долженъ былъ слѣпо подражать ему во всемъ, а не исполнившій сего осушалъ въ наказаніе огромный кубокъ орла. Изъ танцующихъ кавалеровъ отличались: самъ государь, графъ Ягужинскій, австрійскій посланникъ графъ Кинскій, голштинскій министръ Бассевицъ, молодые князья Трубецкой и Долгорукій и графъ

Головкинъ. Изъ дамъ первое мѣсто занимала великая княжна Елисавета Петровна; отличались также княжны Черкасская, Кантемиръ, графини Головкины и Долгорукая, бывшая впослѣдствіи невѣстою императора Петра II.

Ассамблеи давались не въ одномъ Петербургѣ; съ переѣздомъ двора въ Москву въ 1722 году завелись собранія и въ сей столицѣ. Собранія по указу происходили три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Кромѣ того, бывали частные балы, гдѣ было посѣтителей менѣе, но болѣе веселости: на сихъ послѣднихъ танцовали иногда до 3 часовъ пополуночи.

Музыка на ассамблеяхъ была большею частію духовая: трубы, фаготы, гобои и литавры. Петръ ввелъ сперва въ употребленіе тарелки, литавры и фаготъ; потомъ появились трубы, валторны и гобои. Государь выписалъ изъ Германіи капельмейстеровъ, съ тѣмъ, чтобъ они обучали молодыхъ солдатъ, которые всякій день отъ 11 до 12 играли на адмиралтейской башнѣ. Особенно любилъ онъ польскій рожокъ; всегда имѣлъ при себѣ музыканта, который во время занятій наигрывалъ государю на семъ инструментѣ польскія и малороссійскія пѣсни, и самъ даже въ часы досуга занимался игрою на рожкѣ. Многіе вельможи имѣли также свои капеллы; лучшая принадлежала княгинѣ Черкасской. Герцогъ голштейнъ-готторпскій Карлъ Ульрихъ, пріѣхавшій въ Россію въ 1721 году и послѣ взявшій въ супружество великую княжну Анну Петровну, имѣлъ въ своей свитѣ капелу,

состоявшую изъ одного фортепіано, нѣсколькихъ скрипокъ, одной віольдамура, одного альта, одного віолончеля, одного контръ-баса, двухъ флейтъ и двухъ валторнъ. Плѣнительная игра сихъ музыкантовъ и новость привезенныхъ инструментовъ доставляли имъ часто случай показывать свое искусство: говорили, что тотъ праздникъ не въ праздникъ, гдѣ не играли голштинскіе музыканты.

Охота къ танцамъ часъ отъ часу болѣе распространялась. При императрицѣ Екатеринѣ I незнаніе танцевъ считалось уже въ дѣвицѣ недостаткомъ воспитанія. Двору не было надобности приказывать ассамблеи: онѣ вскорѣ и совсѣмъ уничтожились; зато частные балы не уставали. Замѣчательно, что около сего времени введены были въ наши общества карты. Петръ Первый не терпѣлъ ихъ и предпочиталъ имъ шашки, а особенно шахматы, игру любимую имъ до чрезвычайности и въ которой онъ почти не находилъ себѣ равнаго.

Императрица Анна, придавшая много великолѣпія двору, любила веселость. Въ ея царствованіе праздники сдѣлались пышнѣе и получили европейскій видъ. Табачный дымъ и стукъ шашекъ не безпокоилъ уже танцующихъ, и наконецъ совершенно уничтожилось наказаніе осушать кубокъ большого орла. Въ торжественные дни и при всякомъ необыкновенномъ случаѣ были при дворѣ балы. Современные писатели упоминаютъ между главнѣйшими объ одномъ, данномъ въ январѣ 1734 года, на который приглашены были съѣхавшіеся тогда въ Петербургѣ посланники: бухарскій, турецкій и

китайскій. Торжествовали въ тотъ день вступленіе на престолъ государыни. Праздникъ открылся въ залѣ, построенной въ Зимнемъ дворцѣ, у нынѣшняго Полицейскаго моста. Зала была украшена апельсинными и миртовыми деревьями въ полномъ цвѣту, которыя, образуя по обѣимъ сторонамъ аллеи, оставляли въ серединѣ довольно мѣста для танцевъ. Въ аллеяхъ разбросаны были дерновыя скамейки и боскеты для отдыха гуляющихъ. Живость и разнообразіе сей картины составляли разительную противоположность съ мертвою природою, покрытою снѣгомъ и инеемъ. Благоуханіе искусственной рощи, яркое освѣщеніе, группы гуляющихъ и танцующихъ въ богатыхъ нарядахъ, при звукѣ величественной музыки, представляли нѣчто очаровательное. Императрица Анна спросила у китайскаго посланника: кто изъ дамъ, находящихся на балѣ, ему болѣе нравится? «Въ звѣздную ночь,» отвѣчалъ китаецъ, «трудно рѣшить, которая звѣзда всѣхъ свѣтлѣе». Но увидѣвъ, что государыня не довольствуется такимъ отвѣтомъ, онъ подошелъ къ великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, низко поклонился и, отдавъ ей передъ прочими преимущество, примолвилъ, что «невозможно было бы перенести ея взгляда, если бъ только глаза ея были поменьше». Такъ всякій народъ имѣетъ свой вкусъ: большіе глаза, считающіеся у насъ красотою, казались азіатцу недостаткомъ.

Весьма много шуму надѣлалъ праздникъ, данный въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду, по случаю взятія Данцига въ 1735 году. Приглашенные

съѣхались въ садъ въ часъ пополудни, дамы въ цвѣтныхъ робахъ съ газовыми накладками, шитыми серебромъ. Длинные ихъ локоны перевиты были гирляндами изъ цвѣтовъ. Императрица, обошедъ гостей, пригласила ихъ къ столу. Государыня со всею фамиліею обѣдала въ гротѣ, на концѣ большой аллеи сада, въ сторонѣ отъ бассейна. Для прочихъ посѣтителей накрытъ былъ столъ въ 300 кувертовъ, подъ навѣсомъ изъ зеленой шелковой ткани, поддерживаемымъ колоннами, которыя покрыты были кисеею и увиты гирляндами изъ натуральныхъ цвѣтовъ. Между колоннами находился буфетъ, по одной сторонѣ съ золотою и серебряною, а по другой съ фарфоровою посудою. Приглашено было 150 кавалеровъ и столько же дамъ, и жребій назначалъ каждой дамѣ ея кавалера. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ перемѣнъ, изъ коихъ въ каждой было по 300 блюдъ, кромѣ десерта. Послѣ обѣда гости раздѣлились на разныя группы: одни гуляли по саду, другіе занимались катаньемъ по бассейну въ раззолоченныхъ яликахъ, принадлежавшихъ императрицѣ. Съ наступленіемъ вечера открылся балъ подъ тѣмъ же навѣсомъ, гдѣ обѣдали. Разноцвѣтные огни, коими освѣщенъ былъ садъ; поставленныя въ разныхъ мѣстахъ прозрачныя картины и аллегорическія изображенія, приличныя празднуемому торжеству, представляли нѣчто очаровательное. Въ началѣ бала ввели въ палатку двѣнадцать французскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Данцигомъ. Когда каждый изъ нихъ поцѣловалъ у импера-

трицы руку, государыня, оборотясь къ начальнику ихъ, бригадиру графу де-ла-Моттъ-Перузу, сказала: «Не удивляйтесь, что я выбрала это время для вашей аудіенціи: французы дурнымъ обращеніемъ съ русскими *), имѣвшими несчастіе попасться въ ихъ руки, даютъ мнѣ право къ отмщенію; но я довольствуюсь учиненною вамъ теперь непріятностію, а какъ народъ вашъ славится любезностію, то надѣюсь, что дамы здѣшнія успѣютъ въ нынѣшній вечеръ истребить изъ памяти вашей тягостное ваше положеніе». — Съ симъ словомъ 12 фрейлинъ вручили плѣнникамъ ихъ шпаги. «Ваше величество», отвѣчалъ графъ де-ла-Моттъ, «умѣли найти средство побѣдить насъ два раза: въ первый, когда мы, противъ желанія, положили оружіе передъ храбрыми войсками вашими, и теперь, когда охотно отдаемъ сердца наши прекраснымъ нашимъ побѣдительницамъ!»

Императрица Анна любила русскую пляску. Ежегодно на масленицѣ приглашали ко двору унтеръ-офицеровъ гвардіи съ ихъ женами, которыя плясали по-русски. Придворные и даже члены императорской фамиліи принимали участіе въ этомъ народномъ увеселеніи.

Во времена Елисаветы Петровны балы русскаго двора славились во всей Европѣ. Извѣстный балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ не танцовали менуэта съ большею выразительностію и

*) Французы, не объявивъ войны, овладѣли въ то время однимъ русскимъ фрегатомъ на Балтійскомъ морѣ и забрали въ плѣнъ весь экипажъ.

приличіемъ, какъ въ Россіи. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что сама государыня танцовала превосходно, и особенно отличалась въ менуэтѣ и въ русской пляскѣ. При ней же завелись и маскарадные балы, вмѣсто бывшихъ при Петрѣ I масленичныхъ маскарадовъ, которые ограничивались однимъ катаньемъ въ саняхъ. Катанья вошли въ придворный церемоніалъ, но безъ масокъ, а вмѣсто того имѣвшіе пріѣздъ ко двору пріѣзжали, маскированные, танцовать въ опредѣленные дни во дворецъ. Въ новый годъ всѣ мужчины являлись въ женскомъ, а дамы въ мужскомъ платьяхъ безъ масокъ. Мужской нарядъ весьма шелъ къ лицу императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Однажды, помнится 1 января 1752 года, на одномъ изъ таковыхъ маскарадовъ, великая княгиня Екатерина Алексѣевна, справедливо удивленная красотою государыни, сказала ей: «Il est très heureux, Madame, pour nous autres femmes, que vous n'êtes cavalier que pour ce soir: sans cela vous seriez trop dangereuse».— «En ce cas la, Madame, отвѣчала императрица, c'est certainement à Vous la première, que j'aurais adressé mes hommages».

Вотъ вамъ краткій отчетъ о первыхъ балахъ въ Россіи. Остается мнѣ еще упомянуть о нарядахъ, какіе были въ употребленіи у почтенныхъ нашихъ дѣвушекъ и бабушекъ. Но вы сами не разъ жаловались на вѣтреность моды, а она точно также распространяла непостоянное владычество на прежніе степенные покрои, какъ на нынѣшнія легкія одежды. Но такъ и быть: чтобъ избѣжать

вашего неудовольствія, постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ схватить нѣкоторыя эпохи господствовавшаго въ Россіи вкуса въ нарядахъ.

Заимствовавъ у французовъ ассамблеи, мы у нихъ же переняли и бальныя наши платья. Не думайте, чтобъ то были тѣ легкія, эѳирныя ткани, въ какихъ нынѣ пріѣзжаютъ на балъ наши красавицы. Старики твердятъ, что въ ихъ время молодежь была степеннѣе нынѣшняго. Вообще трудно вѣрить старикамъ, обыкновенно хвалящимъ былое, счастливые годы ихъ славы и побѣдъ, и нарекающимъ на настоящее, когда они принуждены уступать другимъ право плѣнять и быть любезными; но въ семъ случаѣ едва ли они не правы. Представьте себѣ женщину, стянутую узкимъ костянымъ корсомъ, исчезающую въ огромномъ фишбейнѣ, съ башмаками на каблукахъ въ полтора вершка вышины, и танцующаго съ нею мужчину въ алонжевомъ напудренномъ парикѣ, въ широкомъ матерчатомъ шитомъ кафтанѣ, съ стразовыми пряжками въ четверть на тяжелыхъ башмакахъ, и посудите, можетъ ли эта пара кружиться, летать по полу въ экосезѣ съ тою легкостію, съ тою быстротою, какую видимъ нынѣ! Робы дѣлались большею частію изъ одной съ корсетомъ матеріи, съ длинными шлейфами, парчевыя или штофныя, шитыя золотомъ, серебромъ, а иногда унизанныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями и обложенныя богатыми кружевами. Головной уборъ былъ также весьма различенъ. Ни надъ чѣмъ, кажется, мода не тиранствовала столь-

ко, сколько надъ волосами: каждый годъ, каждое собраніе то повышали, то понижали прическу, а потому и весьма трудно очертить ее въ нѣсколькихъ словахъ. Волосы покрывали пудрою, или, оставляя въ природномъ видѣ, переплетали ихъ брильянтами и жемчугомъ. Вообще пышность въ нарядахъ замѣняла вкусъ. Дамы не одѣвались, какъ теперь, по рисунку Грацій, не знали плѣнительной простоты, въ каждой бездѣлкѣ блистало тяжелое великолѣпіе, а не нынѣшній милый, утонченный вкусъ.

IV.

Частная жизнь русскихъ при Петрѣ I.

Частная жизнь людей высшаго общества въ царствованіе Петра I такъ разнообразна, что трудно, невозможно почти дать описанію ея надлежащаго единства, сдѣлать изъ онаго нѣчто цѣлое. Но какъ безъ нея нельзя составить себѣ яснаго понятія о русскихъ нравахъ того времени, то я рѣшился помѣстить здѣсь нѣкоторыя черты изъ тогдашней общественной жизни, предоставляя другимъ умножить собранныя мною свѣдѣнія новыми, и составить изъ нихъ полную картину.

Извѣстно уже, что Петръ, со вступленіемъ на престолъ, рѣшился преобразовать наши нравы, и что сіе намѣреніе усилилось въ немъ съ 1718 года, послѣ второго путешествія его въ чужіе края. Желаніе произвести сей переворотъ скорѣе и, если можно, самому видѣть послѣдствія онаго, сродное пылкому характеру и безпокойной дѣятельности сего монарха, не могло не встрѣтить препятствій въ народѣ полуобразованномъ, свято повиновавшемся обычаямъ старины. Никто не смѣлъ ясно противостать волѣ государевой; но боль-

шая часть, состоявшая изъ коренныхъ русскихъ вельможъ, исполняя оную по наружности, старались удержать что можно было изъ обыкновеній, въ которыхъ они взросли, которыя получили въ наслѣдство отъ своихъ отцовъ. Другіе, въ угодность ли монарху, или потому, что понимали высокіе его виды, предупреждали желанія Петра, слѣдуя совершенно вновь вводимымъ перемѣнамъ. Сюда принадлежали особы, приближенныя къ царю, или тѣ, кои, бывъ отправлены въ началѣ его царствованія въ чужіе края, возвратились оттуда съ желаніемъ сблизить насъ съ народами просвѣщеннѣйшими и поставить наши общества на европейскую ногу. Оттого-то вы увидите въ частной жизни русскихъ времени Петра I странную пестроту: борьбу стараго съ новымъ, остатки русскихъ обычаевъ съ примѣсью обыкновеній голландскихъ, французскихъ и англійскихъ; непринужденность въ обращеніи вмѣстѣ съ мелочнымъ этикетомъ; у однихъ азіатскую пышность, у другихъ благоразумную умѣренность, не терпящую излишества и не знающую недостатка. Каждая семья представляетъ въ своемъ быту нѣчто отдѣльное, сохраняющее свой особый цвѣтъ. Я изложу вкратцѣ домашнюю жизнь главнѣйшихъ лицъ въ столицѣ и потомъ постараюсь схватить нѣкоторыя черты, которыя, при всемъ разнообразіи нравовъ въ частности, были почти общія у всѣхъ.

Главою исключительныхъ любителей старины былъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій. Свя-

занный съ государемъ узами родства; любимый и уважаемый Алексѣемъ, Өеодоромъ и Петромъ за его испытанную вѣрность, любовь къ правдѣ и проницательный, хотя необразованный умъ; занимая въ государствѣ важнѣйшую должность, онъ въ домашнемъ кругу являлся совершеннымъ русскимъ бояриномъ стариннаго покроя. Онъ одинъ осмѣлился противостать точной волѣ Петра касательно перемѣны въ одеждѣ. Никогда не угождалъ прихотямъ господствовавшей въ его время моды, всегда носилъ русскій кафтанъ, отороченный узенькимъ золотымъ или серебрянымъ позументомъ, и черные усы съ просѣдью, которые еще въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича украшали его лицо. Обыкновенно грубый въ обращеніи, онъ не перемѣнялъ онаго ни съ кѣмъ, и равно принималъ какъ вельможу, такъ и послѣдняго изъ гражданъ. Никто не смѣлъ въѣхать къ нему на дворъ. Самъ Петръ, навѣщая князя-кесаря, оставлялъ одноколку свою у тесовыхъ воротъ его и пѣшкомъ подходилъ къ его дому; никогда не садился въ каретѣ съ нимъ рядомъ, а всегда напереди. Въ обществахъ никто не смѣлъ сѣсть передъ нимъ. Приходившіе къ нему, какого бы они званія ни были, должны были прежде поклона хозяину, осушить большой кубокъ простого вина, приправленнаго перцемъ, подносимаго на золотомъ блюдѣ ручнымъ медвѣдемъ. Худо тому, кто вздумалъ бы отказаться! медвѣдь, упустивъ блюдо, вцѣплялся въ парикъ или волосы гостя, и до тѣхъ поръ не давалъ ему

покоя, пока сей не соглашался принять чинимаго ему привѣтствія. Простыя щи, кулебяка съ угремъ, разварная стерлядь и баранья буженина съ чеснокомъ были главными кушаньями его обѣдовъ. Столѣтніе меды, пива, настоенныя ягодами, и изрѣдка мальвазія наполняли золотыя или серебряныя кружки, поставленныя передъ каждымъ приборомъ. Въ осеннее время, когда хлѣбъ былъ убранъ съ полей, отправлялся онъ изъ Москвы, чтобъ въ окрестностяхъ сей столицы, въ рощахъ, прилежащихъ къ селамъ Коломенскому, Измайлову и далѣе, потѣшиться охотою, а особенно соколиною, которую любилъ до страсти. Ни одинъ владѣтельный князь Германіи, можетъ быть, не показывалъ въ подобныхъ случаяхъ такой пышности, какую являлъ сей русскій вельможа. Въ то время бояре поставляли за славу имѣть во дворѣ многочисленную челядь: одни содержали домовыя войска, родъ тѣлохранителей, состоявшія большею частію изъ дворовыхъ людей, одѣтыхъ въ цвѣта, находившіеся на гербахъ господъ; другіе имѣли каждый свой дворъ, составленный изъ бѣдныхъ дворянъ на жалованьѣ и устроенный у однихъ наподобіе двора древнихъ русскихъ царей, у другихъ по образцу европейскихъ дворовъ. Въ день, назначенный княземъ Ромодановскимъ для охоты, множество ловчихъ, сокольничихъ, подсокольничихъ и поддатней, въ зеленыхъ чекменяхъ съ золотыми или серебряными нашивками, или опушенныхъ иногда соболями, въ красныхъ шараварахъ и желтыхъ сапогахъ, въ длинныхъ по

локоть лосиныхъ рукавицахъ и горностаевыхъ шапкахъ, съ перевязями чрезъ плечо, одною изъ серебряной тесьмы, къ которой привѣшена была обитая бархатомъ лядунка, и другою золотою, на коей висѣлъ серебряный рогъ, опоясанные ремнями, которые увѣшены были кольцами, собравшись у воротъ, ждали повелѣній князя-кесаря. По данному знаку выѣзжали они, при звукахъ роговъ, на горскихъ лошадяхъ въ поле: одни, ведя за собою на смычкахъ своры собакъ, другіе, неся на прикрѣпленныхъ къ пальцамъ стальныхъ кляпышахъ *), обвитыхъ серебряною или золотою проволокою, сибирскихъ кречетовъ съ привѣшенными къ шейкамъ бубенчиками, подъ бархатными клобучками, шитыми серебромъ, золотомъ или разноцвѣтными шелками. Князь-кесарь приглашалъ обыкновенно многихъ вельможъ для раздѣленія сей забавы. Онъ самъ выѣзжалъ на арабскомъ жеребцѣ. Свита его, простиравшаяся иногда до 500 человѣкъ, вся посажена была на лошадяхъ съ его конюшенъ, большой обозъ со съѣстными припасами и напитками ѣхалъ вслѣдъ. Во время охоты подсокольничіе подавали князю и гостямъ его кляпыши съ кречетами. Собаки напускались для отысканія добычи; едва она подымалась, державшіе на рукахъ кречетовъ снимали съ нихъ клобучки, и громкіе крики одобренія сопровождали сихъ вѣрныхъ охотниковъ, когда, пустившись стрѣлою на

---

*) Такъ назывались палочки изъ металла или твердаго дерева, на которыхъ сокольничіе держали кречетовъ.

добычу и поразивъ ее, они, по свисту сокольничаго, возвращались къ своимъ господамъ. Охота оканчивалась сытнымъ обѣдомъ. Тѣ изъ простыхъ ловчихъ или сокольничихъ, которые имѣли случай отличиться, удостоивались чести раздѣлять трапезу князя. За множествомъ блюдъ слѣдовала общая попойка: большія чаши, наполненныя виномъ, переходили изъ рукъ въ руки, и чѣмъ ловля была успѣшнѣе, тѣмъ пиръ былъ шумнѣе. Таковыя охоты продолжались иногда по нѣскольку мѣсяцевъ сряду. Петръ не любилъ сего рода забавъ, но снисходилъ къ прихотямъ свата своего, князя Ѳедора Юрьевича.

Сія священная привязанность къ старинѣ оставалась почти наслѣдственною въ родѣ князей Ромодановскихъ. По смерти князя Ѳедора Юрьевича, сынъ его князь Иванъ Ѳедоровичъ, принявъ титулъ отца *), руководствовался его правилами и въ домашней жизни. То же обращеніе со всѣми, тотъ же этикетъ, тѣ же забавы. Число послѣдователей Ромодановскаго было многочисленно. Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, Лопухины, Нарышкины и много другихъ вельможъ, которыхъ имена менѣе извѣстны, старались по возможности соглашать обычаи предковъ своихъ съ тѣми, какіе дворъ вводилъ въ употребленіе.

Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, также какъ и князь Ѳедоръ Юрьевичъ, былъ сватъ госу-

---

*) Титулъ князя-кесаря, данный Петромъ князю Ѳедору Юрьевичу передъ первымъ отъѣздомъ его въ чужіе края въ 1697 году.

дарю и пользовался отличнымъ уваженіемъ Петра. Домъ его въ два этажа, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Зимній дворецъ, былъ однимъ изъ обширнѣйшихъ въ Петербургѣ; приономъ находился большой садъ, извивавшійся по берегу Невы до нынѣшняго Адмиралтейскаго бульвара. Убранство комнатъ соотвѣтствовало обширности зданія: вездѣ на стѣнахъ видны были штофные обои, тяжелые столы съ насѣчками изъ кости или разноцвѣтнаго дерева и съ вызолоченными ножками, кресла и стулья съ высокими спинками, обитые рытымъ бархатомъ. Гостепріимство было одною изъ главныхъ добродѣтелей генералъ-адмирала. Всякій день, въ 4 часа пополудни, ставились у него для полдника (лѣтомъ въ аллеяхъ или бесѣдкахъ сада, зимою въ обширныхъ галлереяхъ дома) столы, одни съ холодными кушаньями, сахарными закусками и плодами на серебряномъ вызолоченномъ сервизѣ, другіе съ разнаго рода винами. Апраксинъ, отдохнувъ послѣ обѣда, приходилъ въ залу, гдѣ ждали его собравшіеся гости. При звукахъ духовой музыки, расположенной въ разныхъ концахъ сада или въ галлереяхъ, гости садились за столы, и начиналась пирушка. Одни уходили, другіе приходили: слуги перемѣняли блюда и особенно бутылки, и бесѣда продолжалась до 10 часовъ вечера. По общепринятому въ то время мнѣнію, умѣнье жить состояло въ томъ, чтобъ хорошо накормить и напоить гостя, въ какое бы время онъ ни пришелъ. Отказываться отъ предлагаемаго хозяиномъ было неучтиво, и молодой человѣкъ, ко-

торый не выпивалъ столько, сколько пилъ старшій, показывалъ неуваженіе къ хозяину и ко всѣмъ присутствовавшимъ. Добрый адмиралъ имѣлъ особенное дарованіе угощать приходившихъ къ нему: часто видали сего почтеннаго старика съ обнаженною головою, покрытою сѣдинами, стоящаго на колѣнахъ передъ упрямымъ гостемъ съ просьбою осушить еще послѣдній кубокъ. Оттого рѣдко кто уходилъ отъ него не навеселѣ. Носивъ званіе генералъ-адмирала, графъ Апраксинъ составлялъ, послѣ Петра, главное лицо при закладкѣ и спускахъ кораблей. Послѣ закладки императоръ со всею фамиліею и всѣ присутствовавшіе при церемоніи съѣзжались къ нему, чтобъ за кубкомъ вина пожелать благополучнаго окончанія начатому дѣлу. Однажды въ 1721 году вздумалъ онъ при подобномъ случаѣ позабавить гостей своихъ травлею. Сія любимая забава прежнихъ нашихъ царей выходила тогда уже изъ обыкновенія, а оттого новость сего явленія привлекла толпы любопытныхъ. На площади передъ графскимъ домомъ, нынѣшней Дворцовой, построили родъ полукруглаго амфитеатра. – Когда посѣтители собрались въ галлереяхъ адмиральскаго дома, впустили въ ограду дикаго медвѣдя и льва изъ тѣхъ, которыхъ посланникъ Волынскій привезъ въ 1714 году изъ Персіи. Началась жестокая борьба: разъяренные звѣри быстро бросились другъ на друга; попеременно слышны были то ревъ одного, то рыканіе другого; наконецъ медвѣдь, изнуривъ противника, началъ брать верхъ; но царь, опасаясь, чтобъ левъ не сдѣ-

лался жертвою въ сей стычкѣ, приказалъ прекратить травлю. Иногда, въ отсутствіе Петра изъ столицы, генералъ-адмиралъ принималъ въ своемъ домѣ посланниковъ: бухарскихъ, калмыцкихъ и хивинскихъ. Въ другое время, командуя на кронштадтскомъ рейдѣ флотомъ, давалъ онъ морскіе праздники. Всѣ снасти судовъ украшались разноцвѣтными флагами: въ одномъ мѣстѣ слышны были пѣсельники; въ другомъ звуки духовыхъ инструментовъ; здѣсь матросы, для забавы съѣхавшихся изъ Петербурга гостей, ломались, кривлялись и прыгали; тамъ показывали они ловкость свою, бѣгая по веревкамъ и спускаясь съ мачтъ. Съ наступленіемъ вечера, палуба, мачты, реи и всѣ снасти были освѣщены. Богатый ужинъ, состоявшій, какъ обыкновенно, изъ множества блюдъ, ждалъ посѣтителей. При каждомъ тостѣ палили изъ пушекъ, и нерѣдко залпъ изо всѣхъ орудій, при послѣднемъ здоровьѣ въ честь основателя Россійскаго флота, заключалъ собраніе. Никто не возвращался домой съ сихъ праздниковъ въ тотъ же день. Генералъ-адмиралъ поставлялъ въ томъ славу, чтобъ хорошо угостить дорогихъ своихъ посѣтителей, которые расходились не прежде, какъ при выстрѣлѣ пушки, возвѣщавшей на другой день утреннюю зарю.

Между боярами, способствовавшими Петру къ преобразованію россійскихъ нравовъ, первое мѣсто занимаетъ фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Еще въ малолѣтствѣ Петра употребляемъ онъ былъ въ заграничныхъ посоль-

ствахъ. По окончаніи азовскаго похода, въ которомъ явилъ онъ въ себѣ будущаго героя подъ Полтавой, Шереметевъ, восхищенный устройствомъ видѣнныхъ имъ странъ, рѣшился посѣтить ихъ снова, и въ то время, когда Петръ, съ топоромъ въ рукахъ строилъ суда на Заандамской верфи, ближній бояринъ его искалъ просвѣщенія на противоположномъ концѣ Европы. Онъ видѣлъ Вѣну и пышный дворъ Леопольда, богатую Венецію и дожа ея во всемъ его великолѣпіи, величественный Римъ съ его развалинами и, наконецъ, Мальту, коей воинственные рыцари приняли его въ число своихъ собратій. Возвратившись въ отечество, онъ первый подалъ собою примѣръ той утонченности въ нравахъ, того приличія, которыя послѣ старался распространить между своими соотечественниками. Первый изъ русскихъ явился передъ Петромъ во французскомъ кафтанѣ съ мальтійскимъ крестомъ на груди и въ осыпанной брильянтами шпагѣ, подаренной ему императоромъ Леопольдомъ. Онъ любилъ пышность, но не азіатскую, не ту, которая безъ нужды слѣпитъ глаза, распространяясь на все безъ разбора. Домъ фельдмаршала на Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго сада, былъ прибѣжищемъ для всѣхъ неимущихъ: за столъ его, на которомъ не ставилось менѣе 50 приборовъ, даже въ походное время, садился всякій, званый и незваный, знакомый и незнакомый, и только съ условіемъ, чтобъ не чиниться передъ хозяиномъ. Обѣды его, приготовленные лучшимъ образомъ, не обращались никогда въ шумные пиры: фельдмар-

шалъ ненавидѣлъ излишество и не любилъ бесѣдъ, въ то время обыкновенныхъ, въ которыхъ кубки съ виномъ играли главную роль. Самъ Петръ столько уважалъ его, что никогда не принуждалъ пить, и во время праздниковъ государевыхъ, Шереметевъ и князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ одни освобождены были отъ наказанія, состоявшаго въ осушеніи кубковъ большого орла. Общество его состояло изъ людей самыхъ образованныхъ: генералъ-фельдцейхмейстера Брюса, англійскаго посланника лорда Витворта, прусскаго Мардефельда и другихъ иностранныхъ министровъ и ученыхъ, находившихся тогда въ Россіи, и, несмотря на малое просвѣщеніе того времени, молодые люди считали за честь и славу, если могли попасть въ вечернія собранія фельдмаршала. Не было, можетъ быть, человѣка вѣжливѣе и ласковѣе въ обращеніи. Часто, разъѣзжая по Москвѣ, окруженный множествомъ скороходовъ, бѣгуновъ и домовыми войсками, останавливался онъ на улицѣ и выходилъ изъ кареты, чтобъ подать руку старому сослуживцу. Послѣдніе годы жизни своей посвятилъ онъ благотворительности. Онъ умеръ въ 1719 году, любимый войскомъ и народомъ. Петръ уважалъ его чрезвычайно, называлъ его своимъ Баярдомъ и Тюреннемъ, всегда встрѣчалъ и провожалъ его до двери своего кабинета, и поставилъ бы ему монументъ въ Невскомъ монастырѣ, если бъ смерть не помѣшала государю въ исполненіи сего намѣренія.

Но никто изъ приближенныхъ къ особѣ Петра

не жилъ великолѣннѣе любимца его, князя Меншикова. Зная, что государь, сохранявшій простоту во всемъ, лично до него касавшемся, любилъ, вышедъ изъ частнаго быту, окружать себя блескомъ, Меншиковъ, въ угодность ли монарху, или по собственной склонности, показывалъ въ частной жизни пышность, соотвѣтственную высокому званію владѣтельнаго князя ижорскаго и ингерманландскаго. Онъ имѣлъ своихъ камергеровъ, камеръюнкеровъ и пажей. Домъ его на Васильевскомъ острову, на самомъ берегу Невы, тамъ, гдѣ нынѣ 1 кадетскій корпусъ, былъ въ тогдашнее время обширнѣйшимъ и красивѣйшимъ зданіемъ въ Петербургѣ. Обои штофные и гобеленовые, подаренные Петру I въ Парижѣ, большіе бронзовые часы съ боемъ и курантами, люстра изъ цвѣтного хрусталя съ золотыми или серебряными вѣтвями, большія венеціанскія зеркала въ зеркальныхъ рамахъ съ позолоченными обручиками, столы на толстыхъ, вызолоченныхъ ножкахъ съ выкладками изъ разноцвѣтнаго дерева, представлявшими всякаго рода звѣрей и птицъ, диваны и стулья, обитые шелковыми тканями, съ высокими спинками, на которыхъ изображенъ былъ гербъ хозяина съ княжескою короною, и персидскіе ковры на полу — служили украшеніемъ комнатъ. За домомъ простирался обширный садъ, лучшій въ Петербургѣ послѣ царскаго, съ оранжереями, сараями фруктовыхъ деревьевъ, птичниками и небольшимъ звѣринцемъ. Въ первые годы пребыванія своего въ Петербургѣ Петръ часто давалъ въ семъ домѣ жи-

телямъ столицы пиры, на которые отпускалъ князю по тысячѣ рублей. Иногда принималъ здѣсь иностранныхъ пословъ въ устроенной для сего нарочно тронной залѣ, подлѣ которой была гардеробная государя. Онъ пріѣзжалъ къ Меншикову запросто: передъ началомъ аудіенціи выходилъ изъ гардеробной въ тронную въ нарадномъ кафтанѣ, и по окончаніи оной, сбросивъ тягостную для себя церемоніальную одежду, уходилъ отъ своего любимца

Роскошные праздники князя Меншикова болѣе всего походили на европейскіе. Князь, столько способствовавшій Петру I въ произведенныхъ имъ перемѣнахъ, поставлялъ въ томъ славу, чтобъ сколько возможно приблизиться къ обычаямъ, какіе въ то время наблюдаемы были при образованнѣйшихъ дворахъ Европы: ибо зналъ, что ничѣмъ лучше не угодить Петру. Гости пріѣзжали къ нему въ лодкахъ: на берегу рѣки, у крыльца, на лѣстницѣ и у всѣхъ дверей встрѣчали ихъ, при звукѣ трубъ и литавръ, пажи, камеръ-юнкеры и камергеры княжева двора, въ синихъ мундирахъ, шитыхъ золотомъ, въ башмакахъ съ золотыми пряжками и въ цвѣтныхъ шелковыхъ чулкахъ съ золотыми или серебряными стрѣлками. Обѣды его, приготовленные лучшими выписанными изъ Парижа поварами, состояли иногда изъ 200 блюдъ и подавались на золотомъ сервизѣ: погреба наполнены были лучшими винами. Народъ толпился на улицахъ, чтобъ посмотрѣть на князя, когда онъ въ торжественные дни ѣхалъ во дворецъ. Въ тогдашнее время многочисленная услуга и пышность въ экипа-

жахъ составляли необходимость для людей хорошаго тона. Баринъ или барыня не могли выѣхать изъ дому въ саняхъ ли, или въ каретѣ, безъ того, чтобъ, кромѣ слугъ позади, не имѣть впереди себя нѣсколько верховыхъ, которые днемъ разгоняли на улицахъ народъ, а ночью, неся въ рукахъ длинные факелы, указывали и освѣщали дорогу. Въ большіе праздники любимецъ Петра, переѣхавъ черезъ Неву на выложенной зеленымъ бархатомъ внутри и раззолоченной снаружи лодкѣ, выходилъ у своей австеріи, находившейся на Исаакіевской площади, тамъ, гдѣ нынѣ Сенатъ. Отсюда начиналось торжественное его шествіе: впереди шли скороходы и служители дома въ богатой ливреѣ, потомъ ѣхали музыканты и пажи верхомъ, въ синихъ суконныхъ и бархатныхъ кафтанахъ съ золотыми позументами по швамъ, за ними самъ князь въ каретѣ, сдѣланной наподобіе вѣера, на низкихъ колесахъ, съ золотымъ гербомъ на дверцахъ и большою княжескою короною изъ того же металла на имперіалѣ, и запряженной шестью лошадьми въ уборѣ изъ малиноваго бархата съ золотыми или серебряными украшеніями. По сторонамъ шло по три камеръ-юнкера, изъ коихъ одинъ держался за ручку каретныхъ дверецъ, и наконецъ небольшой отрядъ драгунъ князева полка заключалъ шествіе.

Не буду говорить о гостепріимствѣ Шафирова, въ домѣ котораго на Петербургской сторонѣ, неподалеку отъ Самсоньева моста, была обширнѣйшая въ Петербургѣ зала, и коего погребъ заклю-

чалъ въ себѣ лучшія вина; о жившемъ подлѣ графѣ Головкинѣ, коего бережливость обратилась въ пословицу и котораго дочери по образованію, любезности и красотѣ были въ числѣ первыхъ дѣвицъ въ столицѣ; объ ученомъ и веселомъ князѣ Кантемирѣ, коего супруга, урожденная княжна Трубецкая, слыла первою красавицею въ Петербургѣ; о племянницѣ ея, милой княжнѣ Черкасской; объ Измайловѣ, посланникѣ нашемъ въ Пекинѣ въ 1720 году, коего домъ былъ весь меблированъ въ китайскомъ вкусѣ; наконецъ о баронѣ Строгоновѣ, на роскошныхъ пирахъ котораго являлось до 20 дѣвицъ, игрою на арфѣ и пѣніемъ восхищавшихъ зрѣніе и слухъ посѣтителей. Описаніе ихъ образа жизни наскучитъ однообразіемъ. Перейду къ обыкновеніямъ, которыя были почти общими въ то время всѣмъ, составлявшимъ высшее общество.

Примѣръ двора, всячески старавшагося сблизить всѣ состоянія и распространить общественную жизнь между русскими, скоро подѣйствовалъ на людей, у которыхъ гостепріимство было врожденною добродѣтелью. Тогда этикетъ не раздѣлялъ еще состояній столько, сколько теперь; зазывныхъ билетовъ не знали; приглашали только самыхъ знатныхъ; прочіе, знакомые и незнакомые, приходили въ назначенный часъ, садились за столъ и, покушавъ хлѣба-соли, уходили, часто не заботясь о хозяинѣ. Хозяинъ или хозяйка встрѣчали гостей въ дверяхъ, при звукѣ трубъ и литавръ, поклономъ и рюмкою водки или вина. Обѣды, начинавшіеся въ

12 часовъ, были продолжительны и состояли изъ множества блюдъ. Въ частныхъ собраніяхъ, когда съѣзжались одни короткіе знакомые, жребій назначалъ дамѣ кавалера, который долженъ былъ ее вести къ столу, садиться рядомъ съ нею и услуживать за обѣдомъ. Во время стола доморощенный музыкантъ забавлялъ гостей игрою на гусляхъ. Въ торжественные дни вмѣсто гуслей слышны были духовые инструменты: дамы находились въ одной, а кавалеры въ другой комнатѣ. Въ концѣ обѣда подносили первымъ сахарныя закуски, къ мужчинамъ же приносили ящики съ винами: венгерскимъ, рейнскими и нѣкоторыми французскими. Начинались тосты; обыкновенно предлагалъ оные самъ хозяинъ. Когда случалось, что государь находился въ числѣ пирующихъ, то первымъ тостомъ было всегда призваніе Божіей милости, а вторымъ благоденствіе семейству Ивана Михайловича Головина, то есть флоту [1]). Петръ считалъ сей тостъ столь важнымъ, что обѣщалъ шуту своему, португальцу Лакосту, 100,000 рублей, если бы случилось когда-нибудь пропустить оный. Во время стола государь уходилъ отдыхать и черезъ

[1]) Генералъ-майоръ Головинъ отправленъ былъ Петромъ I въ концѣ XVII вѣка въ Венецію выучиться итальянскому языку и строенію кораблей, а особенно галеръ; но сіи занятія были не по его вкусу. Четыре года пробылъ онъ въ Венеціи, и одинъ только разъ былъ на тамошней верфи. Когда онъ воротился, царь для испытанія повелъ его въ Адмиралтейство; но первые отвѣты Головина показали, что онъ не имѣлъ понятія о кораблестроеніи. — Выучился ли ты хоть по-итальянски? спросилъ Петръ.—Очень мало,

часъ возвращался. Послѣ обѣда гости переходили въ другую комнату къ дамамъ, гдѣ ждали ихъ чай, кофе и лимонадъ. Если общество было не многочисленное, и нельзя было танцовать, то призывали домашняго казака, который тѣшилъ посѣтителей пляскою съ припѣвомъ и игрою на торбанѣ, или на балалайкѣ. Въ другое время, когда не случалось гостей, передъ коими надлежало чиниться, садились играть: мужчины между собою въ кости, шахматы или шашки; замужнія дамы съ нѣкоторыми кавалерами въ короли, марьяжъ, ломберъ, ламушъ или лантре; дѣвушки съ молодыми мужчинами забавлялись игрою въ фанты, или въ кошку и мышку, или въ жгуты, и тому подобное.

Общества наши того времени представляли странную противоположность: совершенную непринужденность между мужчинами и самый строгій этикетъ въ обращеніи съ женщинами. Простое обхожденіе Петра служило примѣромъ для подданныхъ. Въ собраніяхъ одни лѣта давали право на отличіе: часто вельможа, занимавшій важнѣйшее мѣсто въ государствѣ, вставалъ передъ человѣкомъ низшаго званія, покрытымъ сѣдинами. Особенно старшіе въ семьяхъ пользовались у млад-

государь. — Что же ты дѣлалъ? — Курилъ табакъ, пилъ вино и игралъ на басу, отвѣчалъ Головинъ.—Сей лаконизмъ и откровенность понравились Петру, и государь, какъ будто въ шутку, сдѣлалъ его адмиралтейскимъ совѣтникомъ и главнымъ надзирателемъ С.-Петербургской корабельной верфи. Петръ любилъ Головина за его прямодушіе, испытанную вѣрность и за оказанное въ сраженіяхъ мужество.

шихъ уваженіемъ, котораго слѣды и теперь примѣтны въ коренныхъ русскихъ фамиліяхъ: такъ, напримѣръ, герой Финляндіи, князь Михайла Михайловичъ Голицынъ, имѣя около 60 лѣтъ отъ роду, не смѣлъ никогда садиться при братѣ своемъ, князѣ Дмитріи Михайловичѣ, который былъ нѣсколькими годами старѣе. Семейственная жизнь русскихъ бояръ представляла нѣчто патріархальное. Родственныя связи уважались гораздо болѣе нынѣшняго. Въ семейственный праздникъ всѣ родные съѣзжались къ дававшему оный. Старшій занималъ почетное мѣсто; прочіе, мужчины и женщины, составивъ около него большой кругъ, ждали позволенія сѣсть. Когда всѣ занимали свои мѣста, онъ начиналъ разговоръ, входилъ въ обстоятельства каждой семьи: однимъ давалъ совѣты, другимъ дѣлалъ замѣчанія и, словомъ, распоряжалъ дѣлами каждаго. Никто изъ присутствовавшихъ самъ собою не могъ заговаривать съ старшимъ или обращаться къ другимъ во время его разговоровъ; все дѣлалось по его волѣ; всѣ старались о томъ только, чтобъ ему угодить.

Нѣсколько сотъ лошадей на конюшнѣ, множество каретъ, колясокъ, фаэтоновъ и колымагъ въ сараяхъ и многочисленная дворня составляли принадлежность всякаго дворянскаго дома. Между слугами нѣкоторые пользовались преимущественно отличіемъ передъ прочими. Няня завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ; шутъ или дуракъ садился иногда за столъ съ господиномъ и имѣлъ позволеніе говорить, что ни приходило ему на умъ; ска-

зочникъ находился при баринѣ, когда онъ ложился спать, и обязанъ былъ, сидя у ногъ его на постели, разсказывать всякій день что-нибудь новое до тѣхъ поръ, пока господинъ не уснетъ крѣпкимъ сномъ. За обѣдомъ слуга, отличавшійся долговременною службою въ домѣ, имѣлъ право, стоя за стуломъ, вмѣшиваться въ разговоръ господъ своихъ. Въ большіе праздники всѣ толпою приходили поздравлять своего господина или госпожу, которые подносили имъ по рюмкѣ вина. Для обѣдовъ каждый день накрывались длинные столы, покрытые множествомъ разнаго рода блюдъ, если даже садились за столъ не болѣе двухъ человѣкъ. Когда не случалось постороннихъ, баринъ, вѣроятно, по примѣру прежнихъ царей, которые свой столъ посылали на домъ къ подданнымъ, коихъ хотѣли отличить, разсылалъ съ своего стола блюда, или, какъ ихъ называли, подачи: нянѣ, дворецкому, конюшему, сказочнику и другимъ изъ служителей, пользовавшихся его милостію.

Женщины не имѣли въ то время такого вліянія на общества, какимъ пользуются нынѣ. До Петра показывались онѣ между мужчинами рѣдко, и то на нѣсколько минутъ. Къ концу обѣда, за хлѣбеннымъ, входила въ комнату, гдѣ сидѣли за столомъ мужчины гости, нарумяненная хозяйка въ кокошникѣ, бархатной, обложенной соболемъ тѣлогрѣйкѣ и башмакахъ съ высокими каблуками. За нею дочери, съ повязками на головахъ, въ цвѣтныхъ сарафанахъ и башмакахъ такихъ же, какъ у матери. Осѣнивъ себя три раза крестомъ передъ стояв-

шею въ углу иконою и поклонившись гостямъ, онѣ, не говоря ни слова, подносили каждому по четыре кубка: съ водкою, виномъ, пивомъ и медомъ. Каждый гость долженъ былъ осушить кубки за здоровье красавицъ, и въ благодарность получалъ отъ нихъ поцѣлуй въ щеку.—Симъ ограничивалось участіе женщинъ въ обществахъ, пока указы Петра не дали имъ правъ, равныхъ съ правами мужчинъ. Одѣтыя въ европейскія платья, выученныя танцовать и говорить по-нѣмецки, онѣ перестали замѣнять природный румянецъ поддѣльнымъ, чернить зубы и брови; радовались большей свободѣ; но, несмотря на всѣ старанія государя, по привычкѣ, или слѣдуя внушенію старушекъ, сохранили въ обращеніи съ мужчинами нѣкоторую дикость, поддерживаемую господствовавшимъ въ то время мнѣніемъ. Дѣвушка въ обществѣ, чтобъ не нарушить правилъ приличія, не могла вступать въ разговоръ съ незнакомымъ мужчиною, а если была къ тому принуждена, то должна была отвѣчать на всѣ вопросы самымъ короткимъ образомъ, и, если можно, не болѣе какъ да-съ и нѣтъ-съ; не могла два или три раза танцовать въ вечеръ съ однимъ мужчиною, если онъ ей былъ не родственникъ. Замужнія пользовались большею свободою, но и эта свобода была гораздо ограниченнѣе нынѣшней. При такой застѣнчивости женщины не могли имѣть большого вліянія на мужчинъ. Однакоже, оно существовало. Желаніе нравиться, почти врожденное всѣмъ людямъ, занимало тотъ и другой полъ. Костюмы сдѣлались щеголеватѣе,

или, лучше сказать, пышнѣе прежняго. У женщинъ появились платья, шитыя золотомъ, серебромъ или унизанныя жемчугомъ; у мужчинъ—цвѣтные бархатные кафтаны съ пуговицами изъ золота или драгоцѣнныхъ камней, прически à la Vallière и длинные алонжевые парики. Обращеніе съ женщинами сдѣлалось принужденнѣе. Между мужчинами родилась услужливость къ дамамъ, которая еще носила примѣты своего младенчества. Такъ, напримѣръ, однажды въ 1721 году, чтобъ почтить красоту княгини Кантемиръ, гости, собравшись послѣ обѣда у нея въ спальнѣ, пили ея здоровье изъ вещицъ, принадлежавшихъ къ ея туалету: стеклянныхъ башмаковъ, сапожковъ и проч. Въ обществѣ учтивый кавалеръ долженъ былъ поднести дамамъ, которыхъ хотѣлъ отличить, букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. На улицѣ, встрѣчался ли ѣхавшій мужчина съ знакомою дамою въ каретѣ, оба экипажа съ многочисленною ихъ свитою останавливались; кавалеръ, невзирая на погоду, выходилъ изъ своего, и съ обнаженною головою, держа шляпу въ рукахъ, подходилъ къ каретѣ красавицы, чтобъ имѣть удовольствіе привѣтствовать ее поцѣлуемъ руки.

Таковы были обыкновенія въ высшемъ классѣ обществъ при Петрѣ I. Въ простомъ народѣ оставались съ русскою одеждою и обычаи старинные. Они также измѣнялись, но весьма мало, и теперь еще являются наблюдателю почти въ первоначальной своей простотѣ.

Мордовцевъ, Д. Л.
Нарѣжный.
Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.
Новиковъ, Н. И.
Одоевскій, В. Ф.
Озеровъ, В.
Перваноглу.
Плавтъ.
Плутархъ.
Погорельскій, А.
Полевой, Н. А.
Потапенко И.
Походъ Аргонавтовъ.
Пушкинъ, А. С.
Разинъ, А.
Рылѣевъ, К.
Сенека.
Соллогубъ, графъ В. А.
Софоклъ.
Стернъ.
Сто великихъ людей.
Стороженко, А.
Суворинъ, А. С.
Сумароковъ, П.
Тассо, Торквато.
Теренцій, П.
Терпигоревъ, С. Н. (Атава).
Толстой, Л. Н.
Тресинъ, Н.
Тьерри.
Фарраръ.
Фламмаріонъ, К.
Флоберъ, Г.
Фонвизинъ, Д. И.
Хемницеръ, И.
Чеховъ, Антонъ П.
Шаховской, князь А. А.
Шекспиръ, В.
Шериданъ.
Шиллеръ, Ф.
Эзопъ.
Эліотъ, Джорджъ.
Эсхилъ.
Языковъ, Н. М.

Изящные переплеты отъ 15 до 50 к. за томикъ, папки по 8 к.
Цѣны и подробныя оглавленія въ каталогѣ изданій А. С. Суворина.

НАУЧНАЯ ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА:

Вейзеръ, К. Исторія англійской литературы. Цѣна въ переплетѣ 60 к.

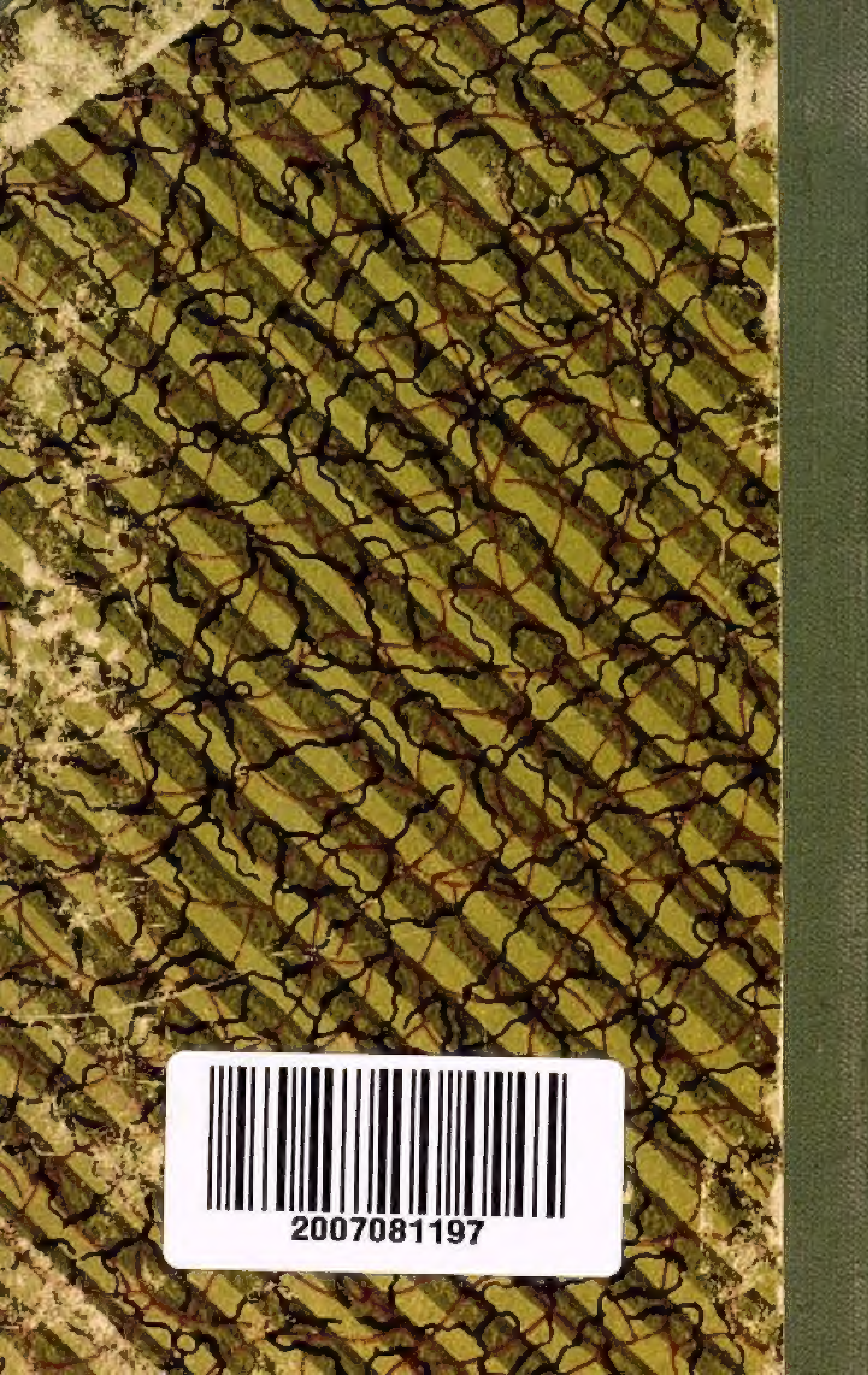
Родвей, Дж. Лѣса и воды. Перев. съ англ. Съ 33 рис. Цѣна въ переплетѣ 60 к.

Мартинъ, Эдвардъ. Исторія кусочка каменнаго угля. Съ 59 рис., 1 чертежомъ и 1 картой. Цѣна въ переплетѣ 60 к.

Менро, Д. Очеркъ электрическихъ явленій и ихъ примѣненій къ практической жизни. Съ рисунк. Цѣна въ переплетѣ 60 к.

Энгель. Шекспиръ. Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ 60 к.

См. предыдущую стран.

2007081197